
Ася Юрская
Аутсорс в Средневековье
18+

Ася Юрская

Аутсорс в Средневековье

«Автор»
2026

Юрская А.

Аутсорс в Средневековье / А. Юрская — «Автор», 2026

Анна мечтала уволиться и пить смузи в тишине, но очнулась в XV веке в теле неуклюжей служанки Греты.Её новое «рабочее место» — мастерская Иоганна Гутенберга. Изобретатель на грани безумия, инвестор давит, Инквизиция ищет повод для костра, а станок вот-вот развалится.Чтобы выжить, Анна внедряет диаграммы Ганта, KPI и тимбилдинги. Ведь если не оптимизировать средневековый хаос, на плаху отправится и бизнес, и её голова.И всё бы ничего, но на пути встает Джулиан — мрачный, хмурый и чертовски красивый мастер-переплетчик, ненавидящий шум, суету и её корпоративные замашки. Сможет ли солнечный кризис-менеджер растопить сердце главного интроверта Европы и напечатать самую главную книгу в своей жизни?

© Юрская А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 14
Глава 4 19
Глава 5 24
Глава 6 29
Глава 7 34
Глава 8 39
Глава 9 44
Глава 10 49
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Ася Юрская
Аутсорс в Средневековье

Глава 1

Первое, что я почувствовала, приходя в себя, был запах.

Если бы меня спросили, чем пахнет моё идеальное утро, я бы сказала: свежесваренным кофе, лёгким бризом из открытого окна и едва уловимыми нотками дорогого парфюма. Но то, что ударило в нос сейчас, ничем его не напоминало. Густой, вязкий, тошнотворный коктейль из прогорклого машинного масла, жжёной резины, сырого металла и, кажется… немытого человеческого тела?

Я попыталась поморщиться, но лицо не послушалось. Голова отозвалась такой пронзительной болью, будто в череп забили железнодорожный костыль. Я тихо застонала и попробовала перевернуться на другой бок, но тело оказалось на удивление тяжёлым, неповоротливым и до неприличия коротким.

— Так, стоп, — прохрипела я. Голос из горла звучал совсем не так, как мой привычный контральто с лёгкой хрипотцой после вчерашнего корпоратива. Это был писклявый, тонкий и до ужаса юный сопрано.

Я с трудом разлепила глаза. Надо мной был не белый натяжной потолок моей студии в Москва-Сити, а низкое закопчённое деревянное перекрытие, с которого свисала паутина толщиной с мизинец. Стены из грубого камня, местами оштукатуренные, но при этом штукатурка отваливалась крупными унылыми кусками.

— Где я? — прошептала я, пытаясь сесть.

Мои руки скользнули по одеялу. Шерстяное, колючее, как тёрка для сыра, и пахнет овцой, которая, судя по всему, умерла в муках. Я посмотрела на свои руки. Это были не мои руки! У меня — ухоженные, с коротким маникюром и лёгкой мозолью на среднем пальце от вечного таскания кофейных стаканчиков. Эти же были тонкими, бледными, с обломанными ногтями и мозолями на ладонях — такие бывают у тех, кто не знает, что такое крем для рук, зато отлично знает, что такое тяжёлый физический труд.

Паника, холодная и липкая, подступила к горлу. Я резко сбросила с себя вонючее одеяло и, игнорируя боль в голове, сползла на холодный каменный пол. В углу комнаты, рядом с кривым деревянным стулом, стоял таз с водой, а над ним висело что-то отдалённо напоминающее зеркало. Точнее, просто кусок отполированного до блеска железа.

Я подползла к нему, держась за стену, и заглянула внутрь.

Из железа на меня смотрела не я.

Вместо моих двадцати четырёх лет, вместо моей любимой асимметричной стрижки и лёгкой веснушки на левой щеке, которую я так удачно скрывала тональником, на меня смотрела девочка лет семнадцати. Ну, или очень молодая женщина. Рыжие неухоженные волосы торчали во все стороны, как одуванчик после урагана. Лицо усыпано россыпью бледных веснушек, нос слегка припух, а на подбородке красовался свежий синяк.

— Что за... — выдохнула я, и девочка в железе беззвучно повторила это, открыв рот.

В эту секунду в голову хлынули чужие воспоминания. Короткие, обрывочные, как кадры из плохого немого кино.

Меня зовут Грета. Мне восемнадцать. Я служанка. Я ужасно неуклюжая. Вчера я уронила таз с грязной водой на ногу помощнику кузнеца, за что и получила этот синяк. Мой хозяин — герр Йоханесс. Он изобретатель. Он сумасшедший. Он постоянно орет.

Я моргнула, пытаясь переварить этот поток информации. Попаданка? Серьезно? Я что, в дешевом романтическом фэнтези? Где моя академия магии? Где мой прекрасный принц на белом коне? И почему, черт возьми, я в теле неуклюжей служанки, а не хотя бы в теле прекрасной фейри? Или, на худой конец, в теле какой-нибудь принцессы-нетакуси?

Но самые ужасные воспоминания были впереди. Грета боялась своего хозяина до дрожи в коленках. Герр Йоханесс был должен денег всем подряд, спал по два часа в сутки и питался только черным хлебом и дешевым вином. А еще он держал в доме странный механизм, который Грета считала дьявольским изобретением.

Я тяжело вздохнула, опираясь лбом о холодное железо. Ладно. Давай по порядку. Во-первых, я жива. Во-вторых, я в теле юной девы, что означает, что мне не нужно платить ипотеку. В-третьих...

Мой нос снова уловил запах. Олифа. Сажа. Железо.

Я закрыла глаза, и передо мной пронеслась прошлая жизнь. Я, Анна, работала в крупной типографии «ПринтМастер» старшим технологом. И ненавидела эту работу. Ненавидела запах типографской краски, который въедался в кожу, волосы и одежду так, что никакой дорогой парфюм не перебивал. Ненавидела бесконечную суету, крики начальства о дедлайнах, поломки офсетных машин в три часа ночи и необходимость объяснять клиентам, почему их визитки нельзя напечатать на золотой фольге за пять минут. Полгода назад я уволилась, чтобы стать фрилансером-консультантом, пить смузи и наслаждаться тишиной.

И вот ирония: едва я избавилась от запаха краски в одной реальности, как меня забросило в другую, где этот запах был не фоном, а самой сутью существования.

— Отлично, — прошептала я отражению. — Просто великолепно. Добро пожаловать в ад, Анна. Тут даже отдела кадров нет, чтобы написать жалобу на условия труда.

Дверь в каморку с грохотом распахнулась и ударилась о стену. На пороге возник мальчишка лет двенадцати, весь черный от сажи.

— Грета! — пискнул он. — Ты опять дрыхнешь?! Герр Иоганн требует завтрак! И чтобы кофе был горячим, а не твоя бурда! Если ты его снова взбесишь, он велит мне отрубить тебе уши!

Мальчишка развернулся и исчез за дверью. Я тяжело вздохнула и поднялась с пола, отряхивая колени.

— Так, Грета, — сказала я вслух. — Давай посмотрим, какие у нас вводные данные.

Я быстро нашла в сундуке одежду. Грубое льняное платье, передник, который, судя по всему, не стирался со времен коронации Карла Великого, и чепец, который я тут же решила не надевать, чтобы не выглядеть как средневековая монашка-неудачница. Волосы я кое-как заплела в тугую косу, чтобы не лезли в глаза, и умылась ледяной водой из таза.

Взяв с подноса кусок черного хлеба, кусок сыра и кувшин с чем-то, отдаленно напоминающим кофе (но на деле оказавшимся отваром из цикория и желудей), я направилась к двери.

Спускаясь по узкой, скрипучей лестнице, я прислушивалась. Снизу доносился такой грохот, скрежет и отборная ругань, что казалось, будто там куют мечи для армии орков. Или, что было вероятнее, просто работал тот самый «дьявольский механизм» из воспоминаний Греты.

Я толкнула тяжелую дубовую дверь и вошла в основное помещение. И застыла.

Это был не цех, а склад, который только что взорвался, судя по-всему. Повсюду валялись стопки грубой, неровной бумаги. В углах громоздились бочки с подозрительными жидкостями, мешки с порошками и связки инструментов, о назначении которых я могла только догадываться.

Но в центре комнаты, занимая половину помещения, стояло ОНО.

Я подошла ближе, стараясь не обращать внимания на окрики рабочих, и внимательно осмотрела конструкцию. Грета считала это винным прессом. Но я-то знала, что вижу на самом деле.

Это был печатный станок.

Мой внутренний технолог мгновенно включился на полную. Я с ходу считала конструкцию: массивная деревянная рама, горизонтальный пресс, плита для бумаги. Но главное — система подвижных литер или, иначе говоря, наборный шрифт.

Я подошла к столу, заваленному мелкими свинцовыми буквами. Отлиты аккуратно, хоть и грубовато по современным меркам. Шрифт — классическая готическая текстура. Та самая «черная готика».

Я взяла одну букву в руку. Холодный, тяжелый свинец. Идеальная высота шрифта. Гутенберг, черт возьми, действительно сделал это.

— Эй! Ты! Нечестивая девка! — раздался громоподобный голос. — Ты чего тут крутишься? Ты мне весь набор рассыплешь!

Я обернулась. Ко мне стремительно приближался мужчина лет сорока пяти. Высокий, тощий, с впалыми щеками и лихорадочным блеском в глазах. Волосы торчали в разные стороны, а камзол был расписан пятнами от чернил, масла и, возможно, засохшей крови.

Но мое внимание приковал его левый глаз. Он не просто подергивался. Он выделывал такие сложные пируэты, что я невольно гадала: не шифрует ли он что-то азбукой Морзе?

— Герр Иоганн! — пискнула я, инстинктивно вжимая голову в плечи и прижимая поднос к груди. Тело Греты само знало, как реагировать на этого человека.

— Грета! — прорычал он. Иоганн Гутенберг. Собственной персоной. Тот самый изобретатель, который сейчас выглядел так, словно его только что выгнали из психиатрической лечебницы. — Где мой завтрак?! И чего ты уставилась на литеры? Решила их сожрать?!

— Н-нет, герр Иоганн, — заикаясь, ответила я, стараясь держаться как можно незаметнее. — Я принесла вам завтрак. Хлеб и... напиток.

Гутенберг вырвал у меня поднос. Я пошатнулась, но устояла.

Он оторвал кусок хлеба, глотнул из кружки и тут же сплюнул.

— Это не кофе! — рявкнул он. — Это помои! Петер! — он метнулся к мальчишке. — Я велел сварить нормальный напиток! Ты что, хочешь, чтобы я отравился и мастерская осталась без мастера?!

Петер вжал голову в плечи и попятился к дверям.

Гутенберг провел рукой по лицу, оставляя на щеке черный след от сажи. Его левый глаз задергался в бешеном ритме.

— Уйди, — сказал он тихо. Так тихо, что мне стало жутко. — И не смей подходить к столу. Если ты еще раз что-нибудь уронишь, я отдам тебя палачу. Пусть он научит тебя аккуратности.

Я кивнула и попятилась к двери. И тут сработали рефлексы Греты. Я споткнулась о выступающий камень. Руки взметнулись, но удержать равновесие не вышло. Я рухнула всем весом прямо на стол с готовым набором.

Раздался мерзкий скрежет и звон. Свинец посыпался на каменный пол, буквы перемешались в бесполезную кучу.

В мастерской повисла тишина. Рабочие застыли. Петер, который успел юркнуть под стол, медленно высунул нос и побледнел.

Я медленно подняла голову. Гутенберг смотрел на меня. Теперь в бешеном ритме дергались уже оба глаза.

— Ты... — прошептал он. Голос дрожал. — Ты... рассыпала... набор...

— Я... я могу помочь собрать... — начала я. В ответ Гутенберг издал какой-то нечленораздельный, утробный вой.

— Собрать?! — завопил он, хватаясь за голову. — Это три тысячи букв! Два дня работы! Завтра придет епископ, ему нужны индульгенции, а у меня нет набора! Мы разорены! Мы пропали!

Он сполз по стене, сел на пол и закрыл лицо руками.

Я смотрела на этого великого человека, который сидел на полу и ныл из-за рассыпанных букв. Как кризис-менеджер, я просто не могла смотреть на это бездействие.

— Герр Иоганн, — сказала я, удивляясь своему спокойствию. — Это всего лишь набор. Мы можем набрать его заново.

Гутенберг поднял на меня взгляд, полный отчаяния.

— Мы?! — он издал короткий, истеричный смешок. — Ты? Служанка? Ты хоть знаешь, сколько времени уходит на то, чтобы найти нужную букву в кассе? Мои мастера устали! У них болят глаза! Мы не успеем!

Я посмотрела на рассыпанный свинец. Потом на кассы. Потом на станок.

В голове всплыло воспоминание из прошлой жизни: срочные заказы, когда зависала программа, и мы набирали макеты для тиснения вручную, на ощупь. Я знала эту гарнитуру. Помнила каждую засечку, каждый вес буквы.

— Дайте мне час, — сказала я.

Гутенберг замер. Его глаз перестал дергаться.

— Что?

— Дайте мне час, — повторила я. Азарт, которого не было со времен увольнения, приятно кольнул под ребрами. — Я наберу текст заново. Быстрее, чем Ваши мастера.

Рабочие переглянулись. Петер хихикнул. Гутенберг смотрел на меня, как на умалишенную.

— Ты сошла с ума, девка, — прошептал он.

— Может быть, — я ухмыльнулась. — Но у вас нет выбора. Дайте мне час. Не получится — отдавайте палачу.

Гутенберг долго смотрел на меня. Потом медленно встал, отряхнул камзол и ткнул пальцем в стол.

— Час, — прорычал он. — Ровно час. Если к тому времени на станке не будет формы, я лично скормлю тебя крысам.

Я кивнула и подошла к столу. Руки дрожали, но в голове уже выстраивался четкий план.

Понятия не имела, как надолго тут застряну и как буду жить без душа и нормального кофе. Но одно знала точно: если мне суждено работать в типографии, я покажу этим мужикам, что такое настоящий тайм-менеджмент.

Я взяла в руки первую литеру. Холодный, тяжелый свинец.

Ну что ж, Анна. Добро пожаловать в Средневековье. Твой первый дедлайн пошел.

Глава 2

Я уселась за узкий, весь в чернильных пятнах верстак. Воздух в мастерской стоял тяжелый: льняное масло, сажа, расплавленный свинец и кислый пот мужиков, которые теперь стояли за спиной и смотрели в затылок.

Передо мной лежала касса. Деревянный ящик с ячейками, где в зеркальном отражении теснились свинцовые литеры. Рядом — наборная верстка, узкий металлический лоток, и линейка для фиксации строк.

Я посмотрела на свои руки. Тонкие, бледные пальцы Греты дрожали. Девчонка никогда не держала ничего тяжелее чугунной сковороды. Но мои руки — руки Анны, технолога с пятилетним стажем — помнили всё. Мозг мог забыть имя генерального директора, но пальцы никогда не забудут, как на ощупь отличить строчную «п» от «т».

— Ну что, девка, — раздался за спиной низкий бас. — Глаза таращишь? Может, сначала помолишься святому Флориану, покровителю всех дураков?

Я обернулась. Местный «тимлид». Звали его Ганс. Детина под два метра, с руками-лопатами и лицом, будто его били мешком с картошкой. На нем висел кожаный фартук, намертво склеенный засохшей краской. Рядом переминался тощий парень лет двадцати — Клаус. Судя по памяти Греты, он был подмастерьем, главным сплетником и воришкой яблок из соседского сада.

— Я не молюсь, Ганс, — спокойно ответила я, разворачиваясь обратно к кассе. — Я анализирую вводные данные и выстраиваю алгоритм. Если вы не против, я бы начала. У нас, напоминаю, горит дедлайн.

Ганс моргнул. Его нижняя челюсть медленно поползла вниз.

— Дед... чего? — Ганс тупо уставился на Клауса. — Она что, колдует? В нее бес вселился?

— Это значит «срок», — вздохнула я, беря в руки верстаток. — Хотя, судя по вашим лицам, «тайм-менеджмент» для вас тоже пустой звук. Ладно, онбординг отменяется. Просто смотрите.

Я взяла первую литеру. Холодный, тяжелый свинец. Пальцы нащупали зеркальную букву, мозг мгновенно развернул ее в голове. Щелк. Встала в верстатку. Щелк. Вторая. Щелк. Третья.

Сначала пальцы Греты не слушались: норовили уронить мелочь, соскальзывали с гладкого металла. Но я заставила их работать. Вспомнила бессонные ночи в «ПринтМастере», когда падала серверная верстка, и мы собирали макеты для VIP-клиентов вручную, на коленке, в подвале. Тогда я набирала текст на автомате, не глядя на кассу.

Р-q-u-e-r-e... Ритм затягивал. Монотонно, грязно, с запахом свинца — и до странного приятно. Щелк-щелк-щелк.

— Она... она набирает вслепую, — прошептал Клаус. — Ганс, она даже не смотрит в кассу! Она в стену глядит!

— Тихо вы там, — огрызнулась я, не сбавляя темпа. — Вы мне когнитивный ресурс шумом загрязняете.

Я летела по тексту. Готическая текстура. Рубленая, с четкими засечками. Каждая буква имела свой вес, свой характер. Я чувствовала разницу между жирной «М» и хрупкой «і». Это было то самое чувство, когда ты просто делаешь свою работу, и делаешь ее чертовски хорошо.

Через двадцать минут первая строка была готова. Я зажала ее в верстке, чтобы не рассыпалась, и отложила в сторону.

— Ганс, — сказала я, не оборачиваясь. — Подвинься, дай мне шмуцроль.

— К чему?! — фыркнул он.

— К краске. Мне нужно проверить, как ляжет оттиск. Чтобы не набирать весь текст, если у вас тут кернинг хромает и буквы пляшут.

Ганс фыркнул, но отошел. Я быстро взяла шмухлевку — кожаный тампон на деревянной ручке — и густо, равномерно нанесла черную краску на форму. Приложила влажный лист бумаги... и тут поняла, что упустила одну деталь.

Я знала теорию. Я видела конструкцию. Но я не знала калибровки этого конкретного деревянного монстра.

— Петер! — крикнула я. — Иди сюда! Мне нужно, чтобы ты опустил плиту. Только аккуратно, без фанатизма, давление должно быть равномерным!

Мальчишка подскочил, испуганно косясь на Ганса. Тот кивнул. Петер ухватился за рычаг и навалился всем весом. Пресс жалобно заскрипел и опустился. Я аккуратно сняла лист.

Оттиск был ужасен. Буквы поплыли, краска размазалась, а между строк зияли грязные пробелы.

— Ну вот, — ухмыльнулся Клаус. — Служанка набрала кривой текст. Теперь мы точно попадем в ад.

Я нахмурилась, разглядывая лист. Набор был ровный, но на оттиске буквы плясали. Виноваты реглетки — деревянные планки для межстрочных интервалов. Кто-то подсунул старые, покоробленные от сырости.

— Так, стоп, — сказала я, выпрямляясь и хрустнув спиной. — Парни, собираемся.

Рабочие нехотя подошли. Ганс скрестил руки на груди, Клаус ухмылялся, Петер прятался за спину гиганта.

— Что еще, девка? — буркнул Ганс. — Хозяин скоро вернется, а у тебя только одна строка.

— Во-первых, у меня готово три строки, просто вы их не видите из-за своих густых бровей, — парировала я. — А, во-вторых, у нас летучка. Пятиминутка планирования.

Тишина. Рабочие смотрели на меня так, словно я только что предложила им станцевать менуэт на столе.

— Пяти... минутка? — переспросил Клаус. — Это сколько молитв читать?

— Нет, Клаус, это не молитвы. Это стендап. Короткая встреча, чтобы синхронизировать команду, — я начала расхаживать перед ними, размахивая руками, как на настоящем корпоративном митинге. — Итак, смотрим на нашу воронку. Узкое горлышко на этапе подготовки бумаги: она слишком сухая и не впитывает краску. Ганс, ты отвечаешь за увлажнение?

— Я отвечаю за то, чтобы ты не совала нос не в свое дело! — рявкнул Ганс, багровея.

— Отлично, вижу, что коммуникация хромает и обратная связь не работает, — невозмутимо продолжила я, игнорируя его крик. — Дальше. Этап набора. Вы тратите по двадцать минут на поиск буквы, потому что касса не эргономична. «Е», «н», «о» лежат в дальнем углу! Это же саботаж собственных KPI!

— Каких еще... кэ-пэ-и? — Ганс шагнул ко мне, нависая всей своей двухметровой тушей. От него разило кислым пивом и луком. — Слушай сюда, нечесаная крыса. Ты тут не указ. Ты — служанка. Твое место у очага. Не у кассы. Ты болтаешь ересь, которую не поймут даже монахи.

— Ганс, я пытаюсь оптимизировать наши процессы, — терпеливо объяснила я, глядя ему прямо в глаза. — Если внедрим систему 5S, выработка вырастет на тридцать процентов. Вам не придется тратить время на поиск инструмента...

— Пять эс?! — взревел Ганс. — Ты что, демонов вызываешь?! Пять демонов?!

Ганс схватил со стола первое, что подвернулось под руку — тяжелую дубовую буквицу «А». В те времена огромные заглавные буквы резали из дерева, чтобы не тупить свинцовые литеры, но сейчас это был просто увесистый снаряд.

— Да пошла ты к черту со своими демонами! — рявкнул он и швырнул дубовую «А» мне в лоб.

Увернуться я не успела — тело Греты реагировало слишком медленно. Удар пришелся прямо в цель. Мир мгновенно поплыл, в ушах зазвенело, а из носа брызнула кровь. Я покачнулась, вцепившись в край верстака, и с размаху ударилась коленом о тумбу.

— Ганс, ты ее убил! — взвизгнул Клаус. — Хозяин нас всех вздернет!

— Пусть попробует! — огрызнулся Ганс, но в его голосе уже не было прежней уверенности. — Сама напросилась! Нечего тут ересь нести и демонов призывать!

Я медленно выпрямилась. Голова гудела. Лоб, судя по ощущениям, уже начал украшаться шикарным синяком в пару к подбородку Греты. Провела пальцами по коже. Крови нет. Только шишка.

Глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. В прошлой жизни начальник цеха однажды швырнул в меня степлер за идею с экологичными чернилами. Я тогда не растерялась. Не растеряюсь и сейчас.

Наклонилась и подняла с пола деревянную букву «А». Килограммовая дубина. Посмотрела на нее, потом на Ганса.

— Ганс, — сказала я. Тихо. Но так, что в цехе повисла тишина. — Это грубое нарушение техники безопасности. Статья двести сорок пять Трудового Кодекса... то есть, цеховых правил. За физическое насилие над коллегой в рабочее время полагается выговор и лишение премии.

Ганс вытаращил глаза.

— Ты... жива? — прошептал он.

— В отличной форме, спасибо. Но давайте вернемся к таймингу. — Я шагнула к нему. Ганс, к моему удивлению, отступил. Видимо, мой спокойный тон после удара дубиной по башке напугал его сильнее, чем любые крики. — У нас осталось сорок минут. Если не начнете помогать, мы не успеем. А тогда герр Иоганн увидит разгром вместо готового набора. И знаете, кого он скормит крысам в первую очередь? Того, кто бросал в меня мебель.

Ганс сглотнул.

— Чего ты хочешь, ведьма? — буркнул он, опуская глаза.

— Ровные реглетки. Все. И чтобы Петер начал увлажнять бумагу над паром, а не мочить ее в корыте, как раньше. И еще... — я поморщилась, потирая лоб. — Если кто-то еще решит кинуть в меня мебель, я лично оформлю ему такой выговор, что он до конца жизни будет чистить монастырские нужники. Ясно?

— Ясно, — пробормотал Ганс. — Петер! Бегом за реглетками! И тащи котел!

Рабочие засуетились. Впервые за все время они слушались беспрекословно. Видимо, то, что я выжила после удара дубиной по башке и оперировала страшными словами вроде «статья 245», их слегка напугало.

Я снова уселась за верстак. Голова раскалывалась, но адреналин глушил боль. Взяла в руки верстатку. Щелк-щелк-щелк.

Я работала на автомате. Ганс больше не лез с расспросами. Он молча подавал готовые строки, Клаус резал реглетки, а Петер, пыхтя, таскал листы над котлом, делая их мягкими и податливыми.

В мастерской было тихо, как в офисе после сдачи проекта. Только вместо гудения кулеров — стук свинца и скрип пресса.

За десять минут до конца часа я вставила последнюю литеру. Затянула клинья в верстке, проверила, нет ли «фонарей» — случайных пробелов, и кивнула.

— Готово, — сказала я, убирая руки. — Можно запускать.

Ганс подошел, навис над версткой. Его огромные пальцы осторожно скользнули по свинцу. Он хмыкнул.

— Ровно, — буркнул он неохотно. — Буква к букве. Интервалы выдержаны. Даже старые мастера так не могли.

— Это потому что они не знают, что такое слепой метод набора, — зевнула я. Адреналин отхлынул, и тело Греты мгновенно потребовало расплаты. Руки задрожали, в висках застучало.

Дверь в мастерскую распахнулась. На пороге стоял Иоганн Гутенберг.

— Время вышло! — рявкнул он. — Где набор?! Где индульгенции?! Если там нет формы, я...

Он осекся.

В цеху повисла тишина. Петер застыл с котлом в руках, пар обжигал ему уши. Ганс молча ткнул пальцем в верстак.

Гутенберг медленно подошел к столу. Достал из кармана крошечную самодельную лупу, наклонился и начал придирчиво разглядывать каждую букву, каждый интервал.

Клаус стоял рядом, не смея даже вытереть каплю пота, повисшую на кончике носа.

Прошло минут пять. Гутенберг медленно выпрямился. Перевел взгляд с набора на Ганса, потом на меня. Его левый глаз наконец перестал дергаться.

— Кто... — голос его дрогнул. — Кто это набрал?

Ганс кашлянул, упрямо глядя в пол.

— Это Грета, герр Иоганн.

Гутенберг медленно повернулся ко мне. Я сидела на табурете, прижимая руку к набухающей шишке на лбу.

— Грета? — переспросил он, словно ослышался. — Служанка Грета? Та самая, что на прошлой неделе вылила чернила в суп?

— Та самая, — кивнула я. — Но, герр Иоганн, это был не саботаж. Это несчастный случай на производстве из-за отсутствия маркировки емкостей. Если мы внедрим цветовую кодировку...

— Молчи! — перебил он. Злости в голосе не было. Только дикое, ошеломленное изумление. — Ты... ты сделала это за сорок минут?

— Сорок две, если быть точной, — поправила я. — И это с учетом онбординга команды и экспресс-тимбилдинга...

— Какой еще тим... неважно. — Гутенберг провел рукой по лицу, оставляя на щеке чернильный след. — Ты набрала текст. Идеально. Без единой ошибки. Как? Ты что, ведьма? Продала душу дьяволу?

— Нет, герр Иоганн. Я просто бывший... то есть, я просто очень старалась. — Я встала, чувствуя, как пол предательски качнулся. — Если вы не против, я пойду приложу лед. А то у нас тут, видимо, принята практика корпоративного буллинга, а я не хочу оформлять производственную травму в первый же день.

Гутенберг моргнул. Посмотрел на деревянную «А» на полу, потом на мой лоб. До него начало доходить.

— Ганс, — тихо сказал он. — Ты бросил в нее литеру?

— Она бесилась, герр Иоганн! — оправдывался гигант. — Говорила на непонятном языке, призывала пять демонов...

— Пять эс, — вздохнула я. — Система организации рабочего пространства. Сортировка, порядок, чистота, стандартизация, совершенствование. Но вам, видимо, проще думать, что это демоны.

Гутенберг закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Грета, — сказал он. В его взгляде не осталось и следа от презрения к неуклюжей служанке. Только любопытство. И легкий страх. — Иди. Приложи лед. А потом приходи в кабинет. Нам нужно поговорить. О твоей... системе. И о твоей зарплате.

— Отлично, герр Иоганн. Только давайте сразу обсудим обеденный перерыв. А то, глядя на ваш рацион, боюсь, у меня скоро начнет выпадать шерсть.

Я развернулась и направилась к выходу. Рабочие почтительно расступились.

Голова болела адски. Тело юной недотепы ныло. Но я только что выиграла свою первую корпоративную баталию в XV веке. И, кажется, мне это начинает нравиться.

Глава 3

Лед. Мне нужен лед. Много льда. Желательно, в виде огромной пушистой подушки, которую можно приложить к голове и выключить мозги до тех пор, пока не отрастут новые.

Кухня дома Гутенберга жила по своим, суровым законам. Огромная каменная печь, закопченный котел с чем-то булькающим внутри и толстая женщина с красными руками, которая рубила капусту так, будто та была лично виновата в всех ее бедах.

— Агнес, — сказала я, заглядывая в кухню и старательно пряча за спину руку, которой держалась за косяк. — Мне нужен лед. И тряпку, чтобы его завернуть.

Повариха остановилась, подняла на меня глаза из-под нависших седых бровей и фыркнула.

— Опять упала, Грета? Или это герр Иоганн тебя побил? Я же говорила, не лезь к его чертовым железкам. Держи. — Она швырнула мне грязную тряпку с куском льда внутри. — Приложи. И не смей капать на пол, я только что помыла!

— Спасибо, Агнес. Вы — настоящий тимлидер кухонного пространства, — бросила я ей, ловко завязывая тряпку узлом.

— Еще чего не хватало! — проворчала она, но в голосе послышались довольные нотки. Видимо, комплименты здесь были такой же редкостью, как мыло.

Я приложила ледяной компресс к пульсирующей шишке и тихонько застонала. Холод приятно обжигал кожу, притупляя боль, но не мысли. Итак, я больше не служанка. Кто я теперь? Стажер? Младший менеджер по оптимизации? В любом случае, это был шаг вверх. В прошлой жизни такой переход от уборщицы к помощнику технолога занял бы лет пять, а здесь, в XV веке, достаточно было просто показать, что ты умеешь набирать текст вслепую и не боишься летящих в голову деревянных букв.

Путь в кабинет Гутенберга лежал через узкий коридор, увешанный свитками и образцами шрифтов. Я остановилась у стены, разглядывая деревянную плашку с вырезанными буквами. Шрифт был грубым, но в нем чувствовалась та самая готическая строгость, которая позже станет визитной карточкой первых печатных книг.

— Войди! — раздался из-за двери нервный голос хозяина.

Я толкнула тяжелую дубовую дверь. Кабинет Иоганна Гутенберга был памятником человеческому отчаянию. Стол завален пергаментами, счетами и чертежами. На полу валялись пустые чернильницы и скомканные листы. В углу стоял сундук с кучей каких-то бумаг. А в центре всего этого восседал сам изобретатель, массируя виски пальцами, перепачканными сажей.

— Закрой дверь, — буркнул он, не поднимая глаз. — И садись. Если ты пришла просить прощения за рассыпанный набор, то я уже передумал скармливать тебя крысам. Крысы от твоей головы, наверное, подавятся.

— Я не за тем, герр Иоганн, — спокойно сказала я, закрывая дверь и устраиваясь на единственном свободном стуле, предварительно смахнув с него кучу гусиных перьев. — Я пришла обсудить мои новые условия труда. И, возможно, спасти ваш бизнес от неминуемого банкротства.

Гутенберг наконец поднял глаза. Его левый глаз снова дернулся, но уже не так динамично, как прежде.

— Спасти мой бизнес? — он издал сухой, скрипучий смешок. — Девочка, мой бизнес спасет только чудо, или золотая жила, или... — он осекся, посмотрев на меня внимательнее. — Ты говоришь так, будто понимаешь, о чем речь.

— Я понимаю, что у вас кассовый разрыв, — невозмутимо ответила я, скрестив руки на груди. — Вы вложили все деньги в станок и литеры. У вас есть заказы, но нет оборотных средств на бумагу. Ваш главный инвестор, господин Фуст, скорее всего, уже точит на Вас зубы,

потому что Вы не даете быстрой отдачи. А Ваши рабочие демотивированы, потому что Вы не платите бонусы и не кормите их нормально.

Гутенберг смотрел на меня так, словно я заговорила на древнегреческом.

— Откуда... откуда ты это знаешь? — прошептал он. — Ты что, шпионка Фуста?

— Нет, я просто умею считать, — соврала я. На самом деле, это было очевидно любому, кто хоть раз видел стартап на стадии pre-seed. Гутенберг был классическим изобретателем-гением, который абсолютно не умел управлять финансами. — Слушайте, герр Иоганн. Я могу удвоить скорость печати. Оптимизировать расход краски и бумаги, сведя брак к минимуму. Но мне нужны определенные условия.

— Какие? — он подался вперед, и в его глазах зажегся тот самый безумный огонек.

— Во-первых, моя зарплата. Я больше не служанка. Я — старший наборщик и консультант по процессам. Я хочу десять процентов от прибыли каждого тиража.

Гутенберг аж подпрыгнул на стуле.

— Десять процентов?! Ты с ума сошла! Это же грабеж!

— Это мотивация, — парировала я. — Если я работаю лучше, вы зарабатываете больше. Я беру процент только с чистой прибыли. Во-вторых, нормальная еда. Не цикорий и черствый хлеб, а мясо, овощи и вино. Мои... кхм, мои мозги требуют глюкозы для генерации идей. И в-третьих, обеденный перерыв. Один час. Для всех. Без исключений.

— Перерыв?! — Гутенберг схватился за голову. — Мы не можем останавливать станок! Время — это деньги!

— Если Вы не будете останавливать станок, Ваши рабочие уснут за наборной кассой и рассыплют все литеры, как это случилось сегодня утром, — холодно заметила я. — Уставший сотрудник — это неэффективный сотрудник. Час отдыха повысит их концентрацию, и они будут работать на двадцать процентов быстрее. Вы даже выиграете во времени.

Гутенберг молчал. Он переводил взгляд с меня на свои долговые расписки и обратно. Я видела, как он колеблется. Средневековые представления о каторжном труде боролись в нем с очевидной выгодой.

— Пять процентов, — наконец выдавил он. — И обед сорок пять минут. И чтобы к обеду не было ни капли вина, только вода и эль.

— Восемь процентов и час обеда с вином, — торгуясь, подняла я бровь. — Иначе я пойду к господину Фусту и предложу свои услуги ему. Уверена, он оценит мои знания о... э-э... пяти демонах.

Гутенберг тяжело вздохнул, его плечи опустились.

— По рукам, — буркнул он. — Восемь процентов. Час. Но если ты не удвоишь выработку к концу недели, я лично сброшу тебя в Рейн.

— Договорились, — я улыбнулась и встала. — А теперь, если вы не против, дайте мне первое задание. Мне нужно проверить, как наши оттиски ведут себя в реальности, а не только на бумаге.

Гутенберг кивнул и придвинул ко мне стопку только что отпечатанных, еще влажных листов. Бумага была плотной, шершавой, с легким желтоватым оттенком.

— Отнеси это Джулиану, — сказал он, аккуратно складывая листы в кожаную папку. — Он переплетчик. Работает в мастерской за двором. Скажи ему, чтобы он оценил, как краска ложится на сгибах и не осыпается ли она при тиснении. Джулиан... он сложный. Но он единственный, кто понимает толк в качественной книге. И, Грета...

Он посмотрел на меня серьезно.

— Не шуми у него. Он ненавидит шум.

***

Мастерская Джулиана ютилась в небольшом каменном флигеле в глубине двора. В отличие от грохочущего, пахнущего свинцом и потом цеха Гутенберга, здесь царила почти монастырская тишина.

Я толкнула дверь, и запах ударил в нос. Никакой олифы и пота. Пахло натуральной кожей, теплым столярным клеем, пчелиным воском и терпким травяным отваром. Воздух был чистым, а солнечный луч из высокого окна подсвечивал танцующие в нем пылинки.

Посреди комнаты стоял массивный дубовый стол, заваленный инструментами: костяные ножи, шила, молотки с круглыми бойками, катушки с льняными нитками и стопки выделанной кожи. А за столом сидел он. Я замерла в дверях.

Если Гутенберг выглядел как дерганый стартапер на грани выгорания, то этот парень напоминал главного разработчика, который пишет гениальный код в полном одиночестве и ненавидит всех менеджеров мира. Лет двадцать пять. Темные, слегка вьющиеся волосы собраны в низкий хвост, но пряди выбились и падали на лоб. На нем — грубая льняная рубаха и плотный кожаный фартук, потертый на сгибах и покрытый светлой пылью. Его руки... Сильные, с длинными пальцами, покрытые мелкими царапинами и пятнами от красителей. Сейчас они аккуратно, почти нежно сшивали толстый пергаментный блок.

Лицо — идеальные скулы, твердая челюсть. Но все портила (или, наоборот, украшала) такая глубокая, концентрированная хмурость, что между темными бровями залегла настоящая складка. Он хмурился не только лицом, но, казалось, всем своим существом.

Из цеха Гутенберга донесся глухой грохот пресса. БА-БАХ!

Джулиан дернулся. Плечи напряглись, пальцы сжались вокруг шила так, что побелели костяшки. Он медленно закрыл глаза, словно молясь о терпении, и прошептал что-то на латыни. Судя по интонации, это было далеко не «Отче наш».

— Извините, — тихо сказала я, делая шаг внутрь. — Я от герра Гутенберга. Принесла оттиски на проверку.

Он открыл глаза. Темно-карие, почти черные. В них плескалось такое концентрированное раздражение, что мне захотелось одновременно извиниться и рассмеяться. Он отложил шило, вытер руки о тряпку и медленно поднял на меня взгляд. Скользнул по лицу, задержался на шишке на лбу, потом опустился на кожаную папку.

— Гутенберг снова отправляет свою служанку, чтобы та отвлекала меня от работы? — Голос низкий, бархатистый, но холодный.

— Я больше не служанка, — возразила я, стараясь держать голос ровным, хотя сердце предательски колотилось где-то в районе ключиц. — Я старший наборщик. Меня зовут Грета. А вы, видимо, Джулиан.

Он фыркнул, протягивая руку за папкой.

— Джулиан. Да. И я не «видимо», я факт. А ты, Грета-наборщица, загораживаешь свет. Отойди влево.

Я молча сдвинулась. Он выхватил папку, открыл и достал первый лист. Пальцы, такие нежные с пергаментом, сейчас двигались резко и нетерпеливо. Он поднес лист к свету, прищурился, провел большим пальцем по строчке.

— Бумага пересушена, — констатировал он, не поднимая глаз. — Из-за этого краска ложится неровно. На сгибах будут трещины. И... — он поморщился, — пахнет слишком сильно. Льняное масло прогоркло. Гутенберг экономит.

— Масло свежее, просто оно смешано с сажей от смолистых дров, — парировала я, подходя ближе и заглядывая ему через плечо. Шитье книги выглядело как магия. — А бумагу мы увлажним над паром перед тиснением. Это сделает ее эластичнее.

Джулиан замер. Медленно повернул голову, и его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от моего. Я почувствовала запах кожи, клея и чего-то еще — чистого, слегка терпкого. Вблизи его глаза оказались еще глубже.

— Ты понимаешь в бумаге? — тихо спросил он. В голосе впервые прозвучало не раздражение, а легкое удивление.

— Я понимаю в материалах, — ответила я, стараясь не смотреть на его губы. Не смотреть на его губы. Это было сложно. — Бумага — это целлюлозные волокна. Если их увлажнить, они набухают и становятся податливыми. Когда высыхают — фиксируют форму. Базовая физика.

Он смотрел на меня долгую, напряженную секунду. Потом медленно отступил на шаг, возвращая мне личное пространство, и снова посмотрел на лист.

— Базовая физика, — повторил он, словно пробуя слова на вкус. — Ты говоришь странные вещи, Грета. И ты слишком громко дышишь.

— Я не дышу громко, это у вас тут акустика такая, — огрызнулась я, чувствуя, как к щекам подступает жар. Черт возьми, Анна, возьми себя в руки! Ты опытный технолог, а не влюбленная школьница! — Кстати, ваш пресс тоже дышит громко. Он издает звук в восемьдесят децибел. Это вредно для слуха.

Джулиан снова нахмурился.

— Децибел? Что за демон? — он отложил лист и посмотрел на меня с явным подозрением. — Ты точно не ведьма? Гутенберг сказал, что ты набрала три тысячи букв за сорок минут. Это неестественно.

— Это не магия, это оптимизация процессов и мышечная память, — вздохнула я, опираясь бедром о край его стола. — Я просто вижу паттерны. А ваш герр Гутенберг... он гений, но ужасный менеджер. Он создает хаос, а вы потом пытаетесь этот хаос переплести в красивую книгу.

Джулиан посмотрел на меня. По-настоящему. Без насмешки, без раздражения. Он изучал мое лицо, словно я была редким, сложным манускриптом, который он пытался прочитать.

— Ты странная, — тихо сказал он.

— Мне уже говорили, — улыбнулась я.

Из цеха снова донесся грохот пресса. БА-БАХ!

Джулиан дернулся, его брови сошлись в одну сплошную линию. Он провел рукой по лицу, оставляя на щеке след от угольной пыли.

— Я не могу работать в этом аду, — пробормотал он, больше для себя, чем для меня. — Каждый удар пресса отдается у меня в зубах. Я теряю концентрацию. Нитка ложится криво.

Я посмотрела на его лицо, на сильные руки, которые сейчас беспомощно сжимали край стола. И мое сердце сделало это.

Тыдыщ.

Громко, отчетливо и совершенно неуместно.

Я стояла в мастерской переплетчика в XV веке, с шишкой на лбу, в грязном переднике, и понимала, что я попала. Попала по-крупному. Потому что этот хмурый, ворчливый, пахнущий кожей и клеем перфекционист был именно тем типажом, от которого я всегда теряла голову в прошлой жизни. Троп «он хмурый, она солнышко» работал даже в Средневековье. И, кажется, я только что назначила себя на роль этого самого солнышка.

— Слушай, Джулиан, — сказала я, и голос прозвучал на удивление мягко. — Я не могу остановить пресс. Но я могу кое-что сделать.

Он поднял на меня взгляд, все еще хмурый, но с тенью надежды.

— Что?

— Я переведу работу Ганса и Клауса на ночные смены. А днем мы будем делать только набор и подготовку бумаги. Самые громкие работы — прокатку и тиснение — перенесем на утро, пока ты еще не начал свою тонкую работу. А днем, когда ты шьешь и переплетаешь, станок будет молчать. Будем использовать его только для сушки.

Джулиан смотрел на меня. Его морщина между бровями медленно, буквально на миллиметр, разгладилась.

— Ты... ты можешь это сделать? Заставить их замолчать?

— Я теперь старший наборщик, — гордо подняла я подбородок. — Могу заставить их делать что угодно. Даже петь хором, если это поможет производству.

В уголке его губ мелькнула тень улыбки.

— Ты сумасшедшая, Грета, — сказал он, но в голосе больше не было холода. — Но... если ты сможешь утихомирить этот ад, я, возможно, не буду бросать в тебя костяным ножом.

— Это все, на что я могу рассчитывать? — я рассмеялась, и смех эхом отразился от каменных стен. — Ладно. Я пошла внедрять изменения. Оттиски оставь себе, завтра заберу готовые книги.

Я развернулась и направилась к двери.

— Грета, — его голос остановил меня на пороге.

Я обернулась. Он стоял у стола, держа в руках папку. Свет из окна падал на его лицо, и он выглядел... чертовски хорошо.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Мое сердце сделало «тыдыщ» во второй раз.

— Пожалуйста, Джулиан, — улыбнулась я и выскользнула из мастерской.

Я стояла во дворе, прижимая руки к груди, и пыталась успокоить бешено колотящееся сердце. Солнце светило сквозь облака, где-то вдалеке кричали торговцы, пахло сыростью и дымом.

— Ну ты и дала, Анна, — прошептала я своему отражению в луже. — Ты пришла сюда спасать бизнес и внедрять тайм-менеджмент, а сама запала на местного интроверта.

Я усмехнулась и пошла обратно в мастерскую. Дедлайн не ждет. У меня впереди смена графика рабочих, внедрение системы увлажнения бумаги и, возможно, первая в истории Средневековья профсоюзная забастовка, если Ганс снова попытается кинуть в меня мебель. Но теперь, когда я знала, что в конце этого хаоса меня ждет тихая мастерская, запах кожи и пара темно-карих глаз, мне казалось, что я смогу свернуть горы. Или, как минимум, напечатать самую красивую книгу в мире.

Глава 4

Утро в мастерской Гутенберга началось не с петухов, а с моего безжалостного звона в медный таз, который я отобрала у Агнес на кухне.

ДЗЫНЬ-ДЗЫН-ДЗЫНЬ!

Ганс, спавший прямо на мешке с бумагой, подпрыгнул так, что его массивное тело сотрясло пол. Клаус уронил кассу с литерами, а Петер, кажется, вообще не ложился, а просто дремал стоя, держась за рычаг пресса.

— Доброе утро, коллеги! — бодро объявила я, входя в центр цеха с дощечкой, на которой углем был начерчен новый график сменности. — Напоминаю, что с сегодняшнего дня мы переходим на оптимизированный режим производства. Самые шумные и грязные этапы — прокатка валов, замес краски и работа самого пресса — мы проводим строго с рассвета и до полудня. После полудня мы занимаемся только набором, сушкой и подготовкой материалов.

Ганс протер заспанные глаза и посмотрел на меня как на сумасшедшую.

— Грета, ты опять демонов накликаешь? — пробасил он. — Полдень? Но солнце еще высоко! Мы должны молотить, пока есть свет!

— Солнце высоко, Ганс, потому что оно на небе, а не потому, что оно требует от нас нарушать циркадные ритмы, — терпеливо объяснила я, используя термин, который он, конечно же, не понял, но звучал он убедительно. — Если вы будете работать на износ, ваша когнитивная продуктивность упадет к трем часам дня. Вы начнете путать буквы, ронять формы, а герр Гутенберг будет хвататься за сердце. Мы внедряем принцип «утреннего спринта». Поехали!

К моему удивлению, они подчинились. Возможно, дело было в том, что вчера я набрала текст быстрее них, или в том, что на моем лбу все еще красовался шикарный синяк от деревянной буквы «А». Но факт оставался фактом: к десяти утра мы уже выдали первую партию оттисков, а станок работал безупречно.

Я стояла рядом с прессом, наблюдая за ритмичными движениями Ганса, и чувствовала себя настоящим линейным менеджером. Конечно, условий труда тут не было даже близко к тем, к которым я привыкла в «ПринтМастере». Никаких эргономичных кресел, кулера с водой и печенья в зоне отдыха. Но мы работали над тем, что было.

И вот, когда солнце поднялось высоко, а тени от стеллажей с бумагой начали стремительно укорачиваться, я снова взялась за таз.

ДЗЫНЬ-ДЗЫН-ДЗЫНЬ!

— Стоп машина! — скомандовала я. — Обеденный перерыв. Всем мыть руки, садиться за стол. У нас ровно шестьдесят минут.

Гутенберг, который в этот момент яростно что-то вычислял на куске пергамента, медленно поднял голову. Его левый глаз, который за утро дергался всего пару раз, теперь начал совершать угрожающие вращения.

— Обед... перерыв? — переспросил он, словно я предложила ему разобрать станок на запчасти и продать на металлолом. — Грета, о чем ты говоришь? У нас горит заказ на индульгенции! Епископ ждет! Мы не можем просто так взять и остановиться!

— Мы не просто так, герр Иоганн, мы по расписанию, — невозмутимо ответила я, вытирая руки о передник. — Шестьдесят минут. Ровно час. Затем мы вернемся к работе с удвоенной силой.

— Удвоенной силой?! — Гутенберг вскочил со своего стула, распугивая гусиные перья. — Мы не едим, Грета! Мы творим историю! Мы несем свет знания в темные века! Разве апостолы останавливались на обед, когда несли слово Божье?! Разве сам Господь требовал часового перерыва на шестой день творения?!

— Господь отдыхал на седьмой день, Иоганн, — парировала я, скрестив руки на груди. — А апостолы, насколько мне известно, питались рыбой и хлебом, и у них не было проблем с ЖКТ, потому что они не заедали стресс черствым хлебом, запивая его кислым вином. Вы творите историю, да. Но история, герр Иоганн, пишется людьми. А люди, в отличие от Вашего станка, не работают на бензине и не смазываются олифой.

Гутенберг открыл рот, чтобы возразить, но я не дала ему шанса.

— Ганс, Клаус, Петер! — я хлопнула в ладоши. — Марш к умывальнику. Агнес уже накрыла на стол в большой комнате. Герр Иоганн, — я повернулась к изобретателю и взяла его за рукав, игнорируя его слабые попытки сопротивления, — Вы тоже. Ваш уровень глюкозы в крови, судя по Вашему цвету лица, упал до критических значений.

— Я не пойду! — уперся он, пытаясь высвободить руку. — Я должен проверить влажность бумаги! Я должен...

— Бумага никуда не убежит, — твердо сказала я, глядя ему прямо в глаза. — А вот Вы, если не поедите, рискуете упасть в обморок прямо на наборную кассу. И тогда историю будете творить не Вы, а крысы, которым Вы угрожали меня скормить. Идемте.

К моему великому облегчению, авторитет «старшего наборщика», подкрепленный легкой угрозой и знанием непонятных, но страшных слов, сработал. Гутенберг фыркнул, поправил камзол и, бормоча что-то про «наглость служанок», последовал за мной.

В большой комнате, которая обычно служила для совещаний с заказчиками (и которая сейчас была завалена образцами шрифтов), Агнес уже расставила деревянные миски. Когда я вчера вечером пришла к ней на кухню с медной монетой (моим первым авансом от Гутенберга) и просьбой сварить «нормальную, сытную еду, а не корм для голубей», она посмотрела на меня как на сумасшедшую, но монету взяла.

На столе дымилась огромная кастрюля. Агнес сняла крышку, и по комнате распространился густой, невероятно аппетитный аромат. Это был не просто суп. Это был густой, наваристый бульон с кусками говядины, капустой, репой, луком и травами. Рядом лежали буханки свежего, темного хлеба, еще горячие, и кувшин с разбавленным водой вином.

Ганс и Клаус смотрели на еду так, словно перед ними лежали сокровища тамплиеров. Петер уже тянулся к хлебу, но я легонько шлепнула его по руке.

— Сначала садимся. Потом берем ложки. Потом едим. Корпоративная этика, Петер, — назидательно сказала я.

Мы расселись за длинным дубовым столом. Гутенберг смотрел на свою миску с подозрением, словно ожидая, что суп начнет читать на латыни.

— Что это? — спросил он, тыкая ложкой в кусок мяса.

— Это белок и сложные углеводы, герр Иоганн, — вздохнула я, накладывая себе полную миску. — В народе это называется «суп». Ешьте, пока горячее.

Гутенберг осторожно попробовал бульон. Его глаза расширились. Он сделал еще одну ложку, потом третью, а потом просто перестал разговаривать и начал есть с такой скоростью, что Ганс, сидящий напротив, посмотрел на него с уважением.

Я же не спешила. Я ела медленно, наблюдая за своим «боссом». И чем больше я смотрела, тем больше убеждалась в правильности своих диагнозов.

— Итак, — сказала я, отпивая вина (оно оказалось на удивление неплохим, терпким и кисловатым). — Давайте проведем небольшой аудит вашего здоровья, раз уж мы собрались за одним столом. Герр Иоганн, откройте рот.

Гутенберг поперхнулся, закашлялся и поднял на меня полные ужаса глаза.

— Что?! Зачем?

— Откройте рот, я проверяю десны.

Он, видимо, решил, что спорить со мной сейчас бесполезно, и послушно открыл рот. Я наклонилась, внимательно осмотрела его ротовую полость. Картина была печальной. Десны были рыхлыми, бледными и слегка кровоточащими.

— Я так и думала, — констатировала я, откидываясь на спинку стула. — У вас цинга.

— Цинга? — переспросил Клаус, набив рот хлебом. — Это которая от ведьм?

— Нет, Клаус, это не от ведьм, это от отсутствия витамина С, — объяснила я, поворачиваясь к Гутенбергу. — Вы едите один черный хлеб, сыр и пьете кислое вино. Вы вообще едите свежие овощи? Фрукты? Зелень?

— У меня нет времени на жевание травы! — огрызнулся Гутенберг, вытирая рот рукавом. — Я работаю!

— Вот именно. Вы работаете, а ваше тело разрушается. У Вас цинга, герр Иоганн. И, судя по тому, как у Вас дергается глаз, еще и хронический невроз на фоне истощения нервной системы. Проще говоря, Вы на грани нервного срыва и физического истощения. Если Вы не начнете есть суп с овощами и не будете спать хотя бы по шесть часов в сутки, Вы не доживете до того момента, как Ваша Библия изменит мир. Вы просто упадете и умрете от инфаркта или кровоточивости десен.

В комнате повисла тишина. Ганс перестал жевать. Клаус побледнел. Петер спрятался под стол.

Гутенберг смотрел на меня. Его левый глаз замер. Впервые за все время я увидела в его взгляде не безумие изобретателя, не раздражение менеджера, а страх. Страх человека, который вдруг осознал, что он смертен, и что его тело — это такой же механизм, как и его пресс, только ломается он гораздо болезненнее.

— Я... я не знал, — тихо сказал он, глядя в свою пустую миску. — Я думал, это просто усталость. Что это... плата за величие.

— Величие не требует жертв в виде ваших зубов, Иоганн, — мягко сказала я. — Вы гений. Вы меняете мир. Но миру Вы нужны живые и здоровые. Поэтому, начиная с сегодняшнего дня, в Вашем рационе каждый день будет капуста, репа, лук и, по возможности, яблоки. Агнес, — я повернулась к поварихе, которая стояла в дверях, скрестив руки на груди, — с тебя особый контроль за рационом герра Иоганна. Если он снова будет питаться только хлебом, я лично выкину все твои поварешки.

Агнес хмыкнула, но в ее глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Слушаюсь, госпожа Грета, — кивнула она. — Буду варить ему кашу с луком, хоть он и ругаться будет.

— Отлично. А теперь, — я посмотрела на солнечные часы на стене, — у нас осталось пятнадцать минут обеденного перерыва. Предлагаю потратить их на неформальное общение. Тимбилдинг.

— Тим... что? — устало спросил Гутенберг, откидываясь на спинку стула. Он выглядел так, словно с него спустили воздух.

— Это значит, что мы сейчас не говорим о работе, — улыбнулась я. — Ганс, расскажи нам, как ты в прошлом году поймал того огромного сома в Рейне. Клаус клялся, что ты его просто украл у рыбаков.

Ганс расплылся в ухмылке, его маленькое лицо засияло.

— О, это была не просто рыба, это был речной дракон! — начал он, активно размахивая ложкой. — Я сидел на берегу, леска была тонкая, как волос девственницы...

Я слушала его байки вполуха, поглядывая на Гутенберга. Он не улыбался, но он и не хмурился. Он просто сидел, слушал Ганса, и его левый глаз больше не дергался. Впервые за долгое время он просто ел суп и отдыхал.

Когда обед закончился, и мы вернулись в цех, я заметила разницу. Рабочие двигались не как загнанные каторжники, а как люди, у которых есть силы. Ганс даже напевал что-то себе под нос, настраивая валы.

— Ну что, герр Иоганн, — сказала я, вставая к своей кассе. — Готовы творить историю после обеда?

Гутенберг посмотрел на меня. Его взгляд был странным, оценивающим.

— Ты... ты действительно видишь то, чего не видят другие, Грета, — тихо сказал он. — Ты лечишь не только тело. Ты лечишь... дух мастерской.

— Это называется забота о человеческом капитале, — усмехнулась я. — А теперь к работе. У нас еще половина дня.

И знаете что? Мы работали так, как не работали никогда.

Послеобеденная смена прошла как по маслу. Тишина, которую я обещала Джулиану, соблюдалась неукоснительно. Пресс молчал. Мы только набирали текст, аккуратно укладывая свинцовые буквы, и сушили готовые оттиски на стеллажах. В цеху было тихо, слышно было только шуршание бумаги, тихий стук свинца и мое ровное дыхание.

В середине дня я отложила верстатку и потянулась. Спина немного ныла, но это была приятная усталость.

— Я пойду проверю качество тиснения у Джулиана, — сказала я Гутенбергу. — Заберу готовые индульгенции.

Он кивнул, не отрываясь от своих расчетов.

Я вышла из шумного (ныне тихого) цеха и прошла через двор к мастерской переплетчика. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая камни двора в мягкие золотистые тона.

Я тихонько приоткрыла дверь и заглянула внутрь.

Джулиан сидел за своим столом. В мастерской было тихо. Ни грохота пресса, ни криков Ганса. Только мягкий шорох кожи и тихий скрип шила.

Он работал. Его руки двигались быстро и уверенно, сшивая толстый блок пергамента. Но самое удивительное было не это. Удивительным было его лицо.

Морщина между бровями разгладилась. Его губы были слегка приоткрыты, а в глазах плескалось то самое спокойное, сосредоточенное вдохновение, которое бывает у истинных мастеров своего дела. Он выглядел... умиротворенным.

Я не хотела прерывать его, но мне нужно было забрать книги. Я кашлянула.

Джулиан вздрогнул, обернулся. Увидев меня, он не нахмурился. Наоборот, его лицо слегка прояснилось.

— Ты пришла за оттисками? — тихо спросил он, откладывая шило.

— И за готовыми книгами, — улыбнулась я, входя внутрь. — Как тебе тишина?

Он посмотрел на окно, потом снова на меня.

— Это... приемлемо, — сказал он, но в уголке его губ мелькнула та самая тень улыбки. — Я смог закончить три переплета за день. Обычно на это уходит два дня. Твои... методы управления шумом оказались эффективны.

— Я же говорила, — я подошла к столу и посмотрела на готовые книги. Они были великолепны. Грубая кожа, идеальная строчка, тиснение, которое легло ровно и глубоко. — Джулиан, ты настоящий художник. Это красиво.

Он слегка покраснел. Да, этот суровый, хмурый переплетчик покраснел от моего комплимента. Это было так мило, что мне захотелось его ущипнуть. Но я сдержалась.

— Это просто ремесло, — буркнул он, отводя взгляд и начиная аккуратно складывать книги в стопку. — Но... спасибо.

Он протянул мне стопку тяжелых, пахнущих кожей и клеем книг. Наши пальцы случайно соприкоснулись. Его кожа была теплой, шершавой от работы. Мои пальцы были холодными

и пахли свинцом. Этот контраст, это короткое прикосновение послало по моей руке легкую, но отчетливую искру.

Джулиан резко убрал руку, словно обжегшись. Он снова нахмурился, но на этот раз это было не раздражение, а смущение.

— Передай Гутенбергу, что тиснение не осыпается, — быстро сказал он, возвращаясь к своему столу и беря в руки шило. — И... Грета.

— Да?

— Суп, который ты ела в большой комнате... Агнес кричала на всю кухню, что это ты заставила ее варить мясо.

Я моргнула, удивленная. Откуда он знал?

— И? — осторожно спросила я.

Он не поднял глаз, сосредоточенно протыкая шилом кожу.

— И... это хорошая идея. Чтобы рабочие ели мясо. И чтобы ты... тоже ела. Слишком уж ты худая.

Я рассмеялась. Звонко, искренне, так, что эхо отразилось от каменных стен.

— Я не отказываюсь от мяса, Джулиан. И худой быть перестану. Я просто забочусь о команде.

Он поднял на меня взгляд. В его темных глазах больше не было пропасти. Там было что-то теплое, мягкое, что заставляло мое сердце биться чуть быстрее.

— Забота о команде, — повторил он тихо. — Странная ты, Грета. Очень странная. Но... не раздражающая.

— Это лучшее признание, которое я слышала за сегодня, — улыбнулась я, прижимая к груди стопку книг. — Хорошего вечера, Джулиан.

— И тебе, — кивнул он, возвращаясь к работе.

Я вышла из мастерской, и теплый вечерний воздух ударил мне в лицо. Я стояла во дворе, прижимая к себе книги, и чувствовала себя так, словно выиграла в лотерею.

Во-первых, я внедрила обеденный перерыв и спасла Гутенберга от цинги. Во-вторых, мы выполнили дневной план без единого брака. А в-третьих... кажется, ледяное сердце местного интроверта начало таять.

Я направилась обратно в цех, предвкушая, как Гутенберг будет считать прибыль. Но я еще не знала, что завтра в наши двери постучит не просто заказчик, а сама История. И этот стук перевернет не только наш бизнес, но и мои планы на тихую, размеренную жизнь в XV веке.

Глава 5

Мирная жизнь в мастерской продлилась ровно до следующего утра.

Я как раз проводила утреннюю летучку, объясняя Клаусу разницу между строчной и прописной буквой (он упорно путал их местами, из-за чего имена святых начинались с маленьких букв, а слово «грех» — с больших. Иронично, но плохо сказывалось на качестве), когда во дворе послышался цокот копыт и скрип тяжелых колес.

Звук, который в любом веке означал одно: пришел крупный заказчик. И, скорее всего, он хочет скидку, оплату по факту и чтобы «вчера уже было готово».

Я выглянула в окно. Во двор въезжала карета, запряженная четверкой вороных. Богато украшенная, с гербами, которые кричали о том, что у владельца прямая связь с небесами и очень большие деньги в земных сундуках.

— Все, работаем, — сказала я, хлопая в ладоши. — Ганс, убери руки с живота. Петер, спрячь яблоко. Клаус, перекрестись и делай умное лицо. Герр Иоганн, выходите встречать. И, ради всего святого, вытрите сажу со лба, Вы похожи на трубочиста, а не на великого изобретателя.

Гутенберг, до этого яростно споривший сам с собой о ширине полей, вздрогнул, схватил со стола тряпку и начал тереть лицо, размазывая черные пятна еще сильнее.

— Я не могу выйти к нему в таком виде! — зашептал он в панике. — Это отец Игнатий, посланник архиепископа! Он привезет заказ на индульгенции для крестового похода! Это деньги, Грета! Огромные деньги! Но он также известен тем, что сжигает людей за ересь, если им не понравится шрифт!

— Отлично, — кивнула я, поправляя свой грязный передник. — Значит, у нас классический B2B-сегмент. Клиент с высоким чеком, жесткими требованиями к SLA и склонностью к репрессиям при срыве дедлайнов. Идемте, я проведу презентацию.

— Презентацию? — Гутенберг посмотрел на меня так, словно я предложила ему станцевать на столе. — Ты будешь говорить с ним? Ты? Служанка?

— Старший наборщик и консультант по производству, — поправила я его, беря инициативу в свои руки. — Вы, герр Иоганн, будете изображать гениального, но слегка безумного творца, который мало понимает в мирской суете. А я буду вашим «менеджером по работе с ключевыми клиентами». Доверяйте мне.

Мы вышли во двор. Дверцы кареты распахнулись, и из нее вывалился отец Игнатий. Тучный мужчина лет пятидесяти в безупречно чистой, дорогой рясе. От него разило ладаном, дорогим вином и абсолютной властью. Маленькие глазки мгновенно оценили обстановку, поморщились от запаха олифы и остановились на Гутенберге.

— Герр Гутенберг, — произнес он голосом, созданным для чтения проклятий. — Я слышал, Вы наконец-то закончили свою... машину. И готовы выполнить волю Церкви.

— Ваше преподобие, — Гутенберг сделал глубокий, театральный поклон, идеально сыграв безумного гения. — Машина готова. Она дышит, она живет, она ждет, чтобы извергнуть свет знания на страницы мира!

Отец Игнатий брезгливо поморщился.

— Нам не нужен свет знания, герр Гутенберг. Нам нужны индульгенции. Отпущение грехов для тех, кто пожертвует деньги на войну с неверными. Двадцать тысяч экземпляров. К концу месяца.

Гутенберг побледнел. Его левый глаз начал дергаться в угрожающем ритме.

— Двадцать... тысяч? К концу месяца? Ваше преподобие, это... это физически невозможно. Мой станок, даже если он будет работать без остановки...

— Я не спрашиваю, возможно ли это, — холодно перебил его священник. — Я спрашиваю, сколько это будет стоить. Церковь щедра, но она не любит, когда ее обманывают. Если Вы не справитесь, мы найдем другого. Или просто закроем Вашу мастерскую за то, что Вы отнимаете хлеб у переписчиков.

Гутенберг открыл рот, чтобы начать бормотать что-то про свинец и бумагу, но я незаметно наступила ему на ногу. Он ойкнул и замолчал.

— Ваше преподобие, — мягко, но уверенно начала я, делая шаг вперед и слегка склоняя голову. — Мой хозяин, герр Гутенберг, безусловно, справится с этим объемом. Его машина — это чудо инженерной мысли, способное печатать со скоростью, о которой переписчики могут только молиться. Однако, Вы должны понимать, что мы берем на себя колоссальные риски. Мы работаем в три смены, мы изнашиваем оборудование, мы рискуем здоровьем мастеров.

Отец Игнатий приподнял густую бровь, оценивающе глядя на меня.

— А ты кто такая, девка?

— Грета, помощница герра Гутенберга, — ответила я, не моргнув глазом. — И я хочу предложить Вам эксклюзивное партнерство. Мы не просто напечатаем вам двадцать тысяч индульгенций. Мы сделаем их так, что каждая будет выглядеть как произведение искусства. Но, учитывая срочность и объем, мы вынуждены заложить в стоимость коэффициент овертайма.

— Коэффициент чего? — прищурился священник.

— Это такая... церковная пошлина за срочность, — на ходу придумала я, используя свой лучший корпоративный голос. — Мы предлагаем вам пакет «Премиум». Гладкая бумага, стойкая черная краска, которая не смажется в кармане грешника, и идеальная рубка. Но цена за тысячу экземпляров будет на тридцать процентов выше обычной. Зато Вы получаете гарантию качества и соблюдение сроков. Если мы опоздаем хотя бы на день — мы вернем Вам задаток.

Гутенберг рядом со мной тихо застонал, но я пнула его еще раз.

Отец Игнатий задумался. Его пальцы, украшенные массивным золотым перстнем, барабанили по рукояти трости. Он был бизнесменом, просто его бизнесом была продажа мест в раю. А любой бизнесмен понимает язык гарантий и эксклюзивности.

— Тридцать процентов, — протянул он. — Много. Но... мне нравится твоя уверенность, девочка. Хорошо. Я дам вам задаток. Половину — сейчас, половину — после сдачи тиража. Но если вы подведете Церковь... — он многозначительно провел пальцем по горлу. — ...то ваши души будут гореть в аду дольше, чем кто бы то ни было.

— Мы принимаем Ваши условия, — улыбнулась я, протягивая ему руку.

Священник удивленно посмотрел на мою протянутую руку, но все же пожал ее своей мягкой, ухоженной ладонью.

— Договорились. Жду первый пробный оттиск завтра к вечеру.

Он развернулся и тяжело убрался обратно в карету. Дверцы захлопнулись, кони рванули с места, и через минуту во дворе осталась только клубящаяся пыль.

Гутенберг стоял молча. Потом его колени подогнулись, и он тяжело опустился на ближайшую бочку с бумагой.

— Мы мертвы, — прошептал он, глядя в одну точку. — Мы мертвы, Грета. Двадцать тысяч. За месяц. Станок не выдержит. Бумаги не хватит. Краска кончится. Мы не успеем. Фуст заберет мастерскую, а Инквизиция сожжет нас на площади.

— Иоганн, прекратите паниковать, — сказала я, хотя внутри у меня тоже все похолодело. Двадцать тысяч — это был не просто заказ. Это был промышленный масштаб. — Мы справимся. Мы оптимизируем процессы. Ганс!

— Да, госпожа Грета! — гигант подскочил, услышав мой командный тон.

— Начинаем подготовку. Клаус, проверяй кассы, чтобы все литеры были на местах. Петер, неси воду, будем мочить бумагу партиями. Иоганн, — я подошла к Гутенбергу и поло-

жила руку ему на плечо, — Вы идете в кабинет, пьете валерьянку, если она у Вас есть, или просто закрываете глаза на десять минут. А я запускаю станок.

Гутенберг послушно кивнул и побрел в дом, выглядя как человек, идущий на эшафот.

Я осталась в цеху. Мы начали работу. Первые два часа все шло по плану. Я стояла у станка, направляя процесс, следя за тем, чтобы Ганс равномерно наносил краску, а Петер вовремя подавал бумагу. Ритм был бешеный. Подать, намазать, пресс, снять, повесить сушиться. Подать, намазать, пресс...

Но человеческий ресурс и механика не безграничны.

На шестом часу непрерывной работы, когда мы уже выбились из графика и пытались догнать упущенное время, Ганс, уставший и потный, слишком сильно дернул рычаг пресса.

Раздался звук, который я не забуду. Не просто треск. Хруст, похожий на то, как ломается позвоночник у великана.

КРАК!

Что-то внутри станка с грохотом обрушилось вниз. Плита, которая должна была давить на бумагу, перекосилась и с чудовищной силой ударилась о наборную форму. Свинец разлетелся вдребезги. Буквы, над которыми мы трудились полдня, превратились в бесформенную груду металла. А из верхней части деревянной рамы с треском вылетел массивный дубовый клин, державший направляющую ось.

Станок замер, издав последний хриплый скрип.

В мастерской повисла тишина. Только где-то в углу тихо капала вода из протекающего ведра.

Ганс стоял с отпущенным рычагом, его лицо было белее мела. Клаус уронил кассу. Петер тихо заплакал.

— Мы... мы сломали его, — прошептал Ганс, его голос дрожал. — Главный брус... ось сместилась... Мы убили машину.

Дверь из кабинета распахнулась. Выбежал Гутенберг. Он увидел перекосившуюся плиту, рассыпанный свинец и вылетевший клин. Его левый глаз остановился. Он не дергался. Он просто замер, глядя на разрушение своего детища.

— Все кончено, — тихо сказал он, и в его голосе было столько отчаяния, что мне стало физически больно. — Это конец. Фуст прав. Я неудачник. Идите по домам. Завтра я продам железо на лом.

— Никто никуда не идет! — мой голос прозвучал как выстрел. Я не собиралась сдаваться. Я прошла через пять лет в типографии, через авралы и поломки офсета в три часа ночи не для того, чтобы сдаться из-за какого-то треснувшего дерева. — Ганс, принеси мне молот, зубило, клинья и любые железные полосы, которые найдешь в кузнице за углом. Быстро!

— Но... но госпожа Грета, это невозможно... — начал Ганс.

— Я сказала, быстро! — рявкнула я. — У нас есть сорок минут до заката, и я не собираюсь терять день из-за кривого бруска!

Ганс, испуганный моим тоном больше, чем гневом Божьим, рванул из мастерской так быстро, как только позволяли его массивные ноги.

Я подошла к станку и начала осмотр. Внутренний инженер-механик включился на полную. Да, главный направляющий брус треснул. Ось сместилась. Плита перекошена. Но сама рама цела. Винт цел. Это не смертельно. Это лечится.

— Клаус, Петер, помогайте мне поднять плиту! — скомандовала я. — Используем деревянные брусья как рычаги. Раз, два, взяли!

Мы втроем, кряхтя и потея, поддели тяжеленную дубовую плиту брусьями. Тонкие руки Греты горели, мышцы ныли, но адреналин глушил любую боль.

Вернулся Ганс, таща охапку железа и инструментов.

— Отлично. Ганс, бери зубило и молот. Будем вырубать поврежденную часть бруса. Клаус, неси клей и смолу. Петер, раздувай горн, мне нужно, чтобы железо было красным.

Следующие два часа прошли как в аду. Я работала на автомате. Объясняла Гансу, как правильно подбить трещину железными скобами, чтобы она не пошла дальше. Сама, обмотав руки тряпками, забивала раскаленные металлические полосы в пазы, шипящие от контакта с деревом. Использовала смолу, смешанную с опилками, как эпоксидный клей, заполняя пустоты.

Мои волосы растрепались, лицо было в саже и поту, руки покрыты мелкими царапинами и синяками. Я ругалась матом, которого не знал ни один средневековый извозчик, когда молот соскальзывал, и командовала мужиками так, что они слушались беспрекословно.

— Еще пол оборота винта! Так! Теперь фиксируем скобу! Ганс, бей сильнее, не жалей дерева, нам нужна жесткость!

Когда последние лучи солнца уже уходили за крыши Майнца, я сделала последний, решающий удар молотом по железному клину.

ДЗЫНЬ.

Звук был чистым, металлическим.

Я отступила на шаг, вытирая лоб тыльной стороной грязной руки, и тяжело дышала.

— Так, — выдохнула я. — Ганс, тяни рычаг. Медленно.

Гигант, глядя на меня с благоговением, взялся за рычаг. Он потянул. Винт закрутился. Плита пошла вниз. Ровно. Без перекоса. Без скрипа. Она встала на место, идеально параллельно наборной форме.

— Работает, — выдохнул Клаус, падая на колени. — Она работает! Ты починила ее, Грета! Ты... ты колдунья!

— Я не колдунья, Клаус, — усмехнулась я, бросая молот на стол. — Я просто знаю, что такое ремонтно-пригодность конструкции и как работает распределение нагрузки. А теперь, Петер, неси новые литеры. Нам нужно заново набрать форму. У нас горят сроки.

Гутенберг стоял в дверях. Он не говорил ни слова. Он просто смотрел на меня, на станок, на мои грязные, покрытые сажей и смолой руки. Его левый глаз дернулся один раз, а потом он медленно, очень медленно улыбнулся.

— Ты... ты невероятная, Грета, — тихо сказал он. — Я думал, ты просто болтливая служанка. Но ты... ты будто бы часть этой машины, ее душа.

— Не льстите мне, Иоганн, — отмахнулась я, чувствуя, как к щекам подступает румянец, который плохо контрастировал с слоем сажи на лице. — Я просто не люблю, когда техника простаивает. Это неэффективно. А теперь давайте работать.

Мы проработали до глубокой ночи. Я набирала текст, Ганс красил, Петер прессовал. К полуночи мы выдали первые пятьдесят идеальных оттисков.

Когда я, наконец, вышла из цеха, чтобы умыться во дворе, мои ноги гудели, а спина отваливалась. Я подошла к каменному корыту с водой, зачерпнула ковш и начала жадно умываться, смывая сажу, смолу и пот.

— Ты пугаешь людей, Грета.

Я вздрогнула и обернулась. Из тени навеса вышел Джулиан. Он был в своем неизменном кожаном фартуке, но без рубахи, только в льняных штанах. Его темные волосы были растрепаны, а в руках он держал чистое, белое, идеально выглаженное полотенце.

— Джулиан, — выдохнула я, отряхиваясь, как мокрая собака. — Ты меня напугал. Что ты тут делаешь? В это время переплетчики уже спят.

— Я слышал грохот, — он подошел ближе, его темные глаза внимательно осматривали мое лицо, на котором, наверное, красовались разводы от грязи. — Думал, Ганс снова бросает в тебя мебель. Но потом я услышал, как ты командуешь. Ты говорила так, словно была генералом, ведущим армию в ад.

— Хуже, — усмехнулась я, принимая от него полотенце. Наши пальцы снова соприкоснулись. На этот раз он не отдернул руку. Его кожа была теплой. — Мы ломали станок. Пришлось чинить.

Джулиан посмотрел на мои руки. Они были покрыты мелкими ссадинами, а на ладони красовалась свежая, содранная кожа. Его морщина между бровями снова появилась, но на этот раз она была не от раздражения, а от чего-то похожего на беспокойство.

— Ты поранилась, — констатировал он тихо, его голос стал ниже, мягче.

— Ерунда, — я махнула рукой, вытирая лицо полотенцем. Оно пахло лавандой и чистотой, что было таким контрастом к моему запаху смолы и пота. — Заживет как на собаке. Зато станок работает, и мы выполнили дневной план по индульгенциям.

Джулиан молча смотрел на меня. Потом медленно протянул руку и, прежде чем я успела отстраниться, аккуратно стер большим пальцем грязную полосу с моей щеки. Его прикосновение было легким, но от него по коже пробежала дрожь.

— Ты слишком много делаешь для них, Грета, — тихо сказал он. Его глаза были совсем близко. — Ты лечишь их тела, ты чинишь их машины, ты собираешь их разбитые нервы. Но кто починит тебя, когда ты сломаешься?

Мое сердце пропустило удар. Троп «он хмурый, она солнышко» работал на полную мощность, и этот хмурый переплетчик смотрел на меня так, словно я была единственным источником света в этом грязном Средневековье.

— Я не сломаюсь, Джулиан, — прошептала я, стараясь дышать ровно. — У меня... у меня хороший запас прочности. И отличная техподдержка.

В уголке его губ мелькнула та самая едва заметная улыбка.

— Тогда береги себя, — он убрал руку, но его взгляд остался привязанным к моему лицу. — Потому что, если ты сломаешься... мне придется чинить тебя. А я не умею работать с таким сложным материалом.

Он развернулся и пошел обратно в свою тихую мастерскую, оставив меня стоять у каменного корыта с бешено колотящимся сердцем и запахом лаванды в носу.

Я смотрела ему в спину, пока он не скрылся за дверью, и тихо выругалась.

— Ну все, Анна, — прошептала я своему отражению в темной воде корыта. — Ты попала. Ты не просто спасла бизнес. Ты влюбилась в местного интроверта. И, кажется, это будет самая сложная оптимизация в твоей жизни.

Но, черт возьми, оно того стоило. Я улыбнулась, зачерпнула еще воды, плеснула себе в лицо и пошла обратно в цех. Дедлайн сам себя не выполнит, а у нас впереди еще двадцать тысяч индульгенций.

Глава 6

Тук-шшш-бах. Тук-шшш-бах. Это был лучший звук, который я слышала за последние две недели. Ни скрипа, ни треска — только идеальный ритм безупречно работающего бизнес-процесса.

Я стояла в центре цеха, чувствуя себя директором завода, который наконец вышел на проектную мощность. Ганс мазал форму с такой скоростью, что руки казались размытыми. Петер подавал бумагу, Клаус снимал листы и раскладывал их на стеллажах. В общем, конвейер работал.

— Стоп машина! — скомандовала я, когда солнце уже высоко поднялось.

Станок замер. Ганс вытер лоб рукавом, оставляя черную полосу.

— Что случилось, госпожа Грета? — спросил он, пыхтя. — Мы же не выбили норму!

— Мы выбили норму на сто двадцать процентов, Ганс, — ответила я, подходя к стеллажу и осматривая верхний лист. — Но у нас брак. Видишь кляксу в углу? Ты берешь слишком много краски на тампон.

Ганс нахмурился, его густые брови сошлись.

— Но, если класть меньше, буквы будут бледными! Епископ сказал, индульгенция должна быть черной, как грехи, которые она отпускает!

— Епископ сказал «черной», а не «размазанной», — парировала я. В «ПринтМастере» я годами воевала с малярами, которые думали, что чем толще слой, тем лучше. — Мы внедряем принцип дозированной подачи. Клаус, неси дощечку и нож.

Клаус мигом принес нужное. Я быстро вырезала из дощечки небольшой скребок с ровным краем.

— Вот, — я протянула ему инструмент. — Это ракель. Снимай им лишнюю краску с тампона перед каждым оттиском. Слой будет тонким, но равномерным. Буквы останутся четкими, а расход краски снизится на пятнадцать процентов. Это, коллеги, называется оптимизация затрат.

Ганс взял скребок, подозрительно понюхал и посмотрел на меня как на колдунью.

— Ты точно не ведьма, Грета? — тихо спросил Клаус. — Обычный человек не знает, как заставить машину жрать меньше масла и давать больше мяса.

— Я не ведьма, Клаус. Я просто умею читать мануалы, — вздохнула я. — А теперь погнали. Индульгенции сами себя не напечатают.

К полудню мы отпечатали уже две тысячи экземпляров. Темп был бешеный, а мои нервы начинали сдавать. Команде срочно требовался моральный буст. А мне, если честно, просто необходимо было увидеть кое-чьи темные глаза.

— Ганс, ты за старшего, — бросила я, развязывая фартук. — Если станок встанет, я вас всех превращу в наборные кассы.

Я направилась на кухню. Агнес стояла у очага, помешивая варево в огромном котле и бормоча проклятия.

— Агнес, — сказала я, опираясь о край стола. — Мне нужна мука, овес и мед.

Повариха замерла и посмотрела на меня так, словно я попросила зажарить единорога.

— Печенье? — фыркнула она. — Для герра Иоганна? У него опять сахар упал и скачет давление?

— Нет. Для меня, для команды и... для одного человека во флигеле, — я запнулась, чувствуя, как горят уши. — Агнес, это для нетворкинга.

— Нет... чего? — она прищурилась.

— Неважно. Просто дай муку.

Полчаса спустя, в условиях полного отсутствия миксера и разрыхлителя, я испекла то, что с натяжкой можно было назвать овсяным печеньем. Оно получилось жестким, как подошва сапога, но пахло медом и теплом. Для этого мира — уже кулинарный шедевр. Я уложила его на деревянную доску и отправилась через двор.

Дверь в мастерскую Джулиана была приоткрыта. Я толкнула ее плечом и вошла. Он, конечно же, хмурился.

Джулиан сидел за столом, склонившись над толстым фолиантом. В руках он держал костяной нож и разглаживал им пергамент с таким видом, словно тот его смертельно раздражал.

— Я не переплетаю дешевые брошюры, — бросил он, не поднимая глаз. — Если Гутенберг снова прислал тебя подклеивать его брак, скажи ему, что я занят.

— Гутенберг меня не посылал, — сказала я, закрывая дверь ногой и подходя к столу. — И я пришла не по рабочим вопросам.

Джулиан наконец поднял голову. Его темные глаза скользнули по моему лицу, затем опустились на доску с печеньем. Его морщина слегка разгладилась, сменившись легким недоумением.

— Что это? — спросил он.

— Это печенье, — я поставила доску на край его стола, стараясь не задеть инструменты. — Для нетворкинга.

Он медленно отложил костяной нож и вытер руки о тряпку.

— Нет... воркинг, — протянул он, пробуя слово на вкус, словно оно было несвежим. — Это что, какое-то новое поветрие?

Я не удержалась и рассмеялась. Звук моего смеха, кажется, удивил его еще больше, чем само печенье.

— Нет, Джулиан. Нетворкинг — это... это установление горизонтальных связей между сотрудниками разных департаментов для повышения общей синергии и улучшения корпоративной культуры, — выпалила я, понимая, что звучу как учебник по менеджменту. — Проще говоря, я принесла тебе угощение, чтобы мы лучше ладили. Потому что мы теперь, по сути, партнеры. Я печатаю, ты переплетаешь. Мы одна экосистема.

Он смотрел на меня так долго, что я уже мысленно собирала печенье с пола. Наконец, он протянул руку и взял одну из моих каменных «галет».

Понюхал. Откусил. Жевал с таким выражением лица, словно пытался расколоть орех без щипцов.

— Оно ужасное, — констатировал он, сглатывая.

Мое эго дрогнуло.

— В нем нет сливочного масла, Джулиан. Агнес сказала, что масло сейчас стоит как золото, — оправдалась я.

— Я не говорил, что невкусное, — буркнул он, откусывая еще один кусок. — Я сказал, что оно ужасное. Ты перестаралась с овсом. Но... съедобное.

Он взял еще одно. Потом еще. Я смотрела, как этот вечно хмурый переплетчик методично уничтожает мои каменные поделки, и чувствовала глупую, щемящую радость.

— Ты на днях чинила станок, — сказал он, не поднимая глаз от почти пустой доски. — Я слышал, как ты ругаешься. И как бьешь молотом.

— Да, главный брус треснул, — кивнула я. — Пришлось ставить железные скобы и использовать смолу.

Джулиан откусил последний кусок и поднял на меня глаза. Его привычная хмурость сменилась тяжелым, изучающим взглядом.

— Ты чинила его не так, как это делают все, — тихо сказал он. — Ты словно была с ним заодно. Ты знала, куда бить, еще до того, как посмотрела на трещину. Откуда служанка может знать, как распределить нагрузку на дубовую балку?

Я замерла. Как объяснить, что в прошлой жизни я пять лет работала в типографии и знала каждый винтик в офсетной машине?

— Я... много читала, — соврала я. — И у меня хорошая интуиция. И, возможно, я просто не хотела, чтобы герр Иоганн снова начал дергать глазом.

Джулиан молча встал и обошел стол. Я попятилась, но спина уперлась в тяжелый дубовый стеллаж с кожей.

Он остановился в шаге от меня. Запах кожи, клея и травяного отвара. Он смотрел на меня так пристально, что я невольно сглотнула.

— Покажи руки. — голос был тихим, но не терпящим возражений.

— Что? — я моргнула.

— Руки, Грета. Покажи.

Я медленно подняла руки. Вид был плачевный. Кожа на пальцах содрана, на тыльной стороне свежий синяк, а на ладони — глубокая царапина, которую я наспех перемотала грязной тряпкой. Ткань уже насквозь пропиталась кровью и намертво прилипла к ране.

Джулиан выдохнул — медленно, будто выпуская воздух из сжатого кулака. Морщина легла между бровями глубже. Скепсиса в ней не осталось. Только взгляд, остановившийся на одной точке — на мне.

— Идиотка, — буркнул он.

— Я не идиотка, я просто соблюдала технику б... — начала я, но он перехватил мои руки.

Его пальцы были шершавыми, теплыми и на удивление аккуратными. Он начал разматывать грязную тряпку. Я шипела, когда засохшая кровь отрывалась от раны, но руки не отдергивала.

— Ты собираешься работать этими руками еще неделю, — бормотал он, сосредоточенно очищая ладонь. — Если пойдет нагноение, ты потеряешь пальцы. А без пальцев ты не сможешь набирать текст. А если ты не сможешь набирать текст, Гутенберг разорится, а я останусь без своего тихого двора.

— Ради твоей драгоценной тишины и потерпеть не грех, — слабо усмехнулась я, стараясь не смотреть на то, как он обрабатывает рану.

Он поднял на меня взгляд. В его глазах мелькнуло что-то похожее на веселье.

— Молчи, — сказал он. — И не дергайся.

Он развернулся, не разжимая пальцев, и потащил меня к столу. Открыл небольшой деревянный ларец, достал глиняный горшочек и сверток чистых льняных бинтов.

— Окопник и свиной жир, — бормотал он, размазывая густую, вонючую субстанцию по моим ссадинам. Делал он это на удивление аккуратно. — К утру заживет.

Он аккуратно забинтовал ладонь и обработал ссадины. Я смотрела на его склоненную голову, на темные пряди, падающие на лоб. Если бы мне год назад сказали, что я буду стоять в средневековой мастерской, а хмурый красавчик будет перевязывать мне руки, я бы посоветовала этому человеку срочно проверить уровень стресса и выписать себе больничный.

— Готово, — он завязал последний узелок и отпустил мои руки. Выпрямился, посмотрел на меня. — В следующий раз, когда решишь чинить машину, как кузнец-самоучка, вспоминай, что тебе еще нужно будет держать в руках наборную кассу.

— Обещаю, — сказала я. — Спасибо, Джулиан.

Он фыркнул, отворачиваясь к столу.

— Не благодари. Просто в следующий раз приноси печенье, которое можно жевать без риска сломать зубы. Это будет лучший нет... воркинг.

Я улыбнулась.

— Обязательно, — кивнула я. — Хорошего дня, Джулиан.

— Иди, — буркнул он, уже склоняясь над фолиантом. — И скажи своим людям, чтобы стучали потише.

Я вышла из мастерской, прижимая забинтованные руки к груди. Во дворе остановилась, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Солнце грело лицо, пахло хлебом из кухни.

— Так, Анна, — прошептала я сама себе. — Ситуация выходит из-под контроля. Ты внедрила KPI, спасла станок, вылечила цингу у босса и теперь флиртуешь с местным отшельником с помощью отвратительного печенья. Где, черт побери, в трудовом договоре ты увидела пункт про отшельников и печенье?

Я вернулась в цех. Рабочие уже косились на меня, ожидая указаний.

— Так, команда! — бодро хлопнула я в ладоши, игнорируя ноющую ладонь. — Отличный старт! Но мы расслабились. Клаус, ты мажешь слишком толсто. Ганс, ты давишь на рычаг с разной силой. Мы внедряем систему штрафов и бонусов! Кто к концу дня выдаст ноль брака, получит дополнительную кружку эля вечером. Кто сделает брак — будет мыть бочки с краской. Поехали!

Рабочие застонали, но в их глазах зажегся азарт. Правильная мотивация работает даже в XV веке.

К вечеру мы выдали пять тысяч индульгенций. Гутенберг, увидев стопки готовых листов, расплакался. Он стоял посреди цеха, прижимая к груди лист с идеальным оттиском, и бормотал что-то про славу и бессмертие.

— Мы успеваем, Грета, — шептал он, вытирая слезы грязным рукавом. — Мы успеваем к сроку! Фуст будет доволен! Мы спасены!

— Рано радуешься, Иоганн, — сказала я, чувствуя, как гудят ноги. — У нас еще и половины объема нет. И нам нужна новая партия бумаги.

— Я закажу завтра! — он посмотрел на меня, и улыбка погасла. — Ты выглядишь ужасно, Грета. Иди спать. Завтра новый день.

Я не стала спорить. Сил не было совсем. Добралась до своей каморки, рухнула на кровать и мгновенно отключилась.

Но спокойной ночи не вышло.

Буквально через час меня разбудил громкий стук в дверь.

— Грета! Грета, вставай! — голос Гутенберга звучал так, словно его уже вели на плаху.

Я застонала, с трудом разлепила глаза и села на кровати. Голова гудела.

— Герр Иоганн? Что случилось? Станок сломался?

— Хуже! — дверь распахнулась, и на пороге стоял изобретатель. В руках он сжимал какой-то свернутый пергамент. Его левый глаз дергался с такой частотой, что казалось, он вот-вот выскочит из орбиты. — Это гонец от отца Игнатия. Он привез дополнение к нашему контракту.

Я медленно встала, чувствуя, как внутри все холодеет.

— Какое дополнение?

Гутенберг развернул пергамент и протянул мне его. Я подошла ближе, щурясь при свете тусклой свечи. Текст был на латыни, но благодаря воспоминаниям Греты (и моему школьному курсу, который, оказывается, не был полностью бесполезным), я уловила суть.

— Церковь недовольна тем, что простые крестьяне не понимают, зачем им покупать индульгенции, — прочитал Гутенберг. — Отец Игнатий требует, чтобы мы напечатали не только сами грамоты, но и... некие воззвания, которые будут зачитывать священники на площадях, чтобы агитировать народ жертвовать на Крестовый поход.

— Рекламные листовки? — переспросила я. — То есть они что хотят? Провести маркетинговую кампанию?

— Они хотят десять тысяч листовок с картинками! — взвизгнул Гутенберг. — С картинками, Грета! Мы не умеем печатать картинки! У нас есть только буквы! Переписчики рисуют их от руки, но это займет годы! А нам нужно десять тысяч к концу месяца! Мы разорены!

Я смотрела на него, потом на пергамент, потом на свои забинтованные руки. Мозг, уставший и затуманенный, вдруг начал подкидывать идеи, от которых у самой перехватывало дыхание.

Картинки. Они хотят картинки.

В голове, в той ее части, которая помнила современные рекламные буклеты и комиксы, начал выстраиваться план.

— Иоганн, — тихо сказала я. Он замер. — Успокойтесь. И перестаньте дергать глазом.

— Я не могу успокоиться! Мы не можем печатать картинки!

— Можем. — Я подняла на него взгляд. На моем лице, наверное, было то самое выражение, которое пугало даже меня саму. — Мы не будем их рисовать. Мы будем их гравировать.

— Гравировать? На свинце? Это займет месяцы!

— Не на свинце. — Я улыбнулась. — На дереве. Иоганн, мы только что запустили первую в мире рекламную кампанию. И я знаю, кто поможет нам это сделать.

Я развернулась и, игнорируя возмущённые вопли Гутенберга, направилась к двери. Мне нужно было во флигель. Мне нужно было снова заниматься нетворкингом.

Глава 7

Ночь в Майнце была холодной и пахла дымом. Я бежала через двор, прижимая к груди пергамент, и чувствовала себя продюсером, которому урезали бюджет фильма вдвое, а премьера уже завтра.

Дверь мастерской Джулиана была заперта, но я знала, что он внутри. Переплетчики часто работали по ночам, когда стихал городской шум. Я громко постучала.

— Джулиан! Открой! Это срочно! У нас форс-мажор и сроки поджимают!

Тишина. Потом тихий скрежет засова, и дверь приоткрылась. На пороге стоял Джулиан. Льняная рубаха расшнурована, волосы растрепаны, в руке — уже привычный костяной нож. Вид у него был такой, словно он собирался зарезать первого, кто его разбудит.

— Грета? — голос хриплый, сонный и раздраженный. — Сейчас третий час ночи. Если ты пришла рассказать, как Ганс снова уснул в бочке с краской, я...

— Хуже, — перебила я, врываясь внутрь и закрывая за собой дверь. — Церковь хочет десять тысяч иллюстрированных листовок для агитации Крестового похода. К концу месяца.

Джулиан замер. Медленно моргнул. Морщина между бровями углубилась так, что, казалось, расколола его лицо пополам.

— Иллюстрированных? — переспросил он. — Грета, на гравировку одной доски у мастера уходит неделя. Десять тысяч картинок... это годы работы. Мы не успеем. Гутенбергу стоит сразу же отказаться от этой затеи.

— Мы не будем их гравировать по одной. — Я развернула пергамент на его столе и придавила тяжелым прессом. — Мы будем использовать модульную систему. Ксилографию. Печать с деревянных досок.

Джулиан подошел ближе. Его плечо почти касалось моего. Он посмотрел на пергамент, потом на меня.

— Ксилография, — повторил он задумчиво. — Резьба по дереву. Но кто будет рисовать макеты? Гутенберг не умеет, а переписчики рисуют как слепые котята.

— Макеты буду рисовать я, — твердо сказала я. — Я не умею рисовать красиво, Джулиан. Но я умею компоновать. Я знаю, что такое визуальная иерархия, фокусные точки и призыв к действию. Я сделаю черновые схемы, а ты переведешь их в гравюру. Ты же мастер, правда?

Он посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Покажи, — тихо сказал он, садясь за стол и придвигая к себе чистый лист пергамента и уголек.

Следующие четыре часа мы работали как одержимые.

Я стояла за его спиной и диктовала, водя пальцем по пергаменту.

— Так, здесь у нас будет главный визуальный якорь. Рыцарь в сияющих доспехах, но не статичный, а в динамике. Он рубит не самого врага, а олицетворение греха. Вот тут, в правом нижнем углу, нужен триггер. Изображение души, которая скребется в райские врата, но дверь закрыта. А ключ — вот он, индульгенция.

Джулиан рисовал быстро, уверенно. Уголек шуршал по пергаменту, и из-под его руки выходили образы, от которых у меня мурашки бежали по коже. Его рыцарь был суров и прекрасен, демоны — мерзкими до тошноты, а ангелы — холодными и величественными.

— Ты понимаешь, что делаешь? — бросил он, не отрываясь от работы, когда я предложила добавить в фон горящий ад для контраста со светом индульгенции. — Это не просто картинки, Грета. Это пропаганда. Люди посмотрят на это и пойдут умирать за чужие идеи.

— Это не пропаганда, Джулиан, — тихо сказала я, кладя руку ему на плечо. Он напрягся под моими пальцами, но не отстранился. — Это визуальный маркетинг. Мы продаем им не

войну. Мы продаем им спасение. И наша задача — сделать упаковку максимально убедительной.

Он повернул голову. Его лицо было в нескольких дюймах от моего. В полумраке мастерской, освещенной только одной свечой, его глаза казались темнее обычного.

— Ты пугающая женщина, Грета, — тихо сказал он. — У тебя нет сердца. Только холодный расчет и...

— И что? — я не отвела взгляд.

— И чертова гениальность, — закончил он. Он медленно поднял руку и осторожно убрал прядь волос с моего лица. Его пальцы скользнули по моей забинтованной ладони. — Хорошо. Я сделаю твои картинки. Но если мы не успеем, ты же понимаешь, что Инквизиция сожжет нас первыми?

— Не сожжет, — улыбнулась я. — Мы внедрим конвейерную резку.

К утру у нас было три мастер-макета. Джулиан вырезал первую пробную доску из грушевого дерева. Я наблюдала, как его руки работают с резцом, удаляя лишнюю древесину с пугающей точностью. Я сидела на табурете, подперев щеку рукой, и понимала, что влюбилась. Вот так просто. В восемнадцать лет (ну, или двадцать четыре, будем честны), в XV веке, в переплетчика с хмурым лицом.

Когда доска была готова, мы понесли ее в цех. Гутенберг, который не спал всю ночь и пил какой-то горький отвар, посмотрел на деревянную плашку с подозрением.

— Это... дьявольщина, — прошептал он.

— Это ксилография, Иоганн, — поправила я. — Намазываете краску и прессуете.

Первый оттиск на влажной бумаге получился идеальным. Черный, контрастный, живой. Рыцарь на странице смотрел прямо в душу, обещая либо рай, либо вечные муки.

— Боже мой, — выдохнул Гутенберг. — Теперь мы можем печатать картинки так же быстро, как текст!

— Именно, — кивнула я. — Ганс, Клаус, Петер! Меняем задачу. Половина станка работает текстом, половина — гравюрами. Мы запускаем массовую рекламную кампанию.

***

Следующие три недели мастерская жила в режиме аврала. Но теперь это был не хаос, а работа. Я стояла у станка, подавала команды, следила за качеством. Мы печатали, сушили, резали новые доски, печатали снова. Джулиан практически не выходил из своей мастерской, вырезая доски одну за другой. Я приносила ему еду, чай и то самое овсяное печенье (теперь Агнес добавляла в него немного масла, и оно стало мягче).

К сроку мы все успели.

Когда отец Игнатий получил первую партию из десяти тысяч листовок, он остался доволен. Крестьяне, которым зачитывали эти воззвания на площадях, рыдали, каялись и несли в церковь последние медяки, лишь бы получить кусочек бумаги с изображением райских врат. Крестовый поход получил беспрецедентное финансирование.

А Гутенберг получил мешок золота, который едва дотащили два подмастерья.

Вечером, в день сдачи тиража, Гутенберг вызвал меня в свой кабинет. Он выглядел иначе. Плечи расправлены, ни левый, ни правый глаза больше не дергались а на столе стояла бутылка отличного рейнского вина и два чистых бокала.

— Садись, Грета, — сказал он, наливая вино. — Мы сделали это. Фуст доволен. Церковь довольна. Я... я, кажется, тоже.

— Мы отличная команда, Иоганн, — улыбнулась я, принимая бокал. — Теперь, если Вы не против, я бы хотела обсудить мой бонус за успешный запуск рекламной кампании.

Гутенберг усмехнулся, но тут же стал серьезным. Он посмотрел на меня так, словно видел впервые.

— Ты получишь свой процент, Грета. И даже больше. Ты спасла мою мастерскую, починила мой станок, ааучила моих рабочих работать, а не воровать.

— Спасибо. — Я сделала глоток вина. Терпкое, с нотками яблок — настоящее. — Тогда, думаю, я могу официально занять должность коммерческого директора?

Гутенберг подавился вином и начал кашлять.

— Коммерческого... чего? — прохрипел он. — Грета, ты не понимаешь. Ты женщина. И ты служанка.

Я нахмурилась, ставя бокал на стол.

— Иоганн, мы только что заработали состояние на моих идеях. Какое это имеет значение?

— Огромное! — он вскочил и заходил по кабинету. — Гильдия переписчиков и так уже точит на нас зубы. Они говорят, что наша машина — дьявольское наваждение. Если они узнают, что всем управляет девка-служанка, они поднимут бунт! Церковь не станет иметь дел с женщиной. Отец Игнатий плюнет мне в лицо. Ты умница, Грета, но в этом мире умные женщины не выживают. Их сжигают на кострах или запирают в монастырях навсегда.

Я молчала. Он был прав. Я в XV веке. И здесь мои знания стоили меньше, чем мое происхождение и пол.

— Так что ты предлагаешь? — тихо спросила я. — Уволить меня и отправить обратно мыть полы?

— Нет. — Гутенберг остановился и посмотрел мне прямо в глаза. — Я предлагаю тебе стать моим учеником. Моим помощником в типографии. Официально. Чтобы все видели, что у меня есть толковый подмастерье, который следит за набором и заказами.

— Отлично, — я пожала плечами. — Я согласна.

— Ты не поняла. — Он тяжело вздохнул. — Подмастерье. Мальчик-подмастерье.

Я поставила бокал на стол.

— Ты хочешь, чтобы я...

— Чтобы ты переоделась, — отрезал он. — Твои рыжие волосы мы острижем. Ты будешь носить мужские штаны, камзол и высокие сапоги. Твое имя будет... ну, скажем, Ансельм. Ансельм будет моим помощником. А служанка Грета... скажем, что она уехала в деревню к больной тете.

Я смотрела на него. С одной стороны, это, конечно, было безумие. Но с другой… это была свобода. Никаких чепцов, никаких грязных передников. Никаких поклонов перед самодовольными купцами. Я смогу ходить в цех, управлять процессами. Быть рядом с... с Джулианом.

— Хорошо, — выдохнула я. —Ансельм так Ансельм.

***

Агнес, узнав о моем решении, перекрестилась, выругалась на латыни и взяла в руки большие портновские ножницы.

— Садись, дурочка, — буркнула она, усаживая меня на табурет посреди кухни. — Волосы были твоей единственной женской красотой. Кроме веснушек, которые я сейчас замажу сажей, чтобы ты выглядела как заморенный голодом мальчишка.

Ножницы холодно коснулись шеи. Первая рыжая прядь упала на пол. Я закрыла глаза.

Агнес работала быстро и без жалости. Через десять минут на полу лежала гора рыжих волос, а на моей голове осталась короткая рваная стрижка, открывавшая шею и скулы.

— Теперь умывайся. — Агнес протянула мне мокрую тряпку с угольной пылью. — И надевай это.

Она швырнула мне сверток. Внутри оказался грубый льняной камзол, кожаные штаны, пояс с пряжкой и высокие потертые сапоги. Одежда пахла табаком и кожей.

Я переоделась в каморке и посмотрела в кусок отполированного железа. На меня глядел незнакомый подросток. Худой, с короткими темными от сажи волосами, с острыми скулами и слишком внимательным взглядом. Лет семнадцати, не меньше.

Я вышла во двор.

В цеху было тихо, рабочие разбирали набор. Когда я вошла, Ганс уронил кассу. Клаус вытаращил глаза. Петер просто спрятался под стол.

— Госпожа... то есть... — Ганс моргал, пытаясь совладать с реальностью. — Грета?

— Ансельм, — твердо сказала я, стараясь сделать голос ниже и грубее. — Я новый помощник герра Гутенберга. И если кто-то из вас, Ганс, посмеет сказать, что я выгляжу как девка, я заставлю тебя чистить валы зубной щеткой.

Ганс сглотнул и быстро закивал.

— Слушаюсь, мастер Ансельм, — пробормотал он.

Я кивнула, чувствуя странное, пьянящее ощущение власти и свободы, и направилась через двор к флигелю. Мне нужно было сделать это. Мне нужно было увидеть его реакцию.

Я толкнула дверь мастерской Джулиана.

Он сидел за столом, сшивая новую книгу. Услышав скрип двери, он даже не поднял головы.

— Грета, я сказал, что мне не нужно печенье на ночь, — буркнул он, его голос был усталым, но в нем не было привычного раздражения. — Иди спать.

Я замерла в дверях. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, его слышно во всем дворе.

— Я не принесла печенье, Джулиан, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Джулиан замер. Его руки с шилом остановились в воздухе. Медленно, очень медленно он поднял голову.

Его темные глаза скользнули по моей короткой стрижке, по замазанному сажей лицу, по грубому камзолу и кожаным штанам. Он смотрел на меня так, словно я была галлюцинацией, вызванной недосыпом и парами клея.

— Кто ты? — тихо спросил он, его голос стал опасным, низким. Он встал из-за стола, его рука инстинктивно потянулась к тяжелому костяному ножу. — Как ты попала сюда? Где Грета?

Я сделала шаг вперед, попадая в свет из высокого окна.

— Грета уехала к больной тете, — сказала я. — А я — Ансельм. Новый помощник Иоганна.

Джулиан замер. Он смотрел на мои глаза. Только на глаза. Потому что только они могли выдать меня.

Он медленно опустил руку с ножом. Сделал шаг ко мне, потом еще один, пока не оказался вплотную. Поднял руку и, прежде чем я успела отстраниться, большим пальцем провел по моей щеке, стирая угольную сажу. Под сажей кожа была бледной, с россыпью веснушек.

— Грета, — выдохнул он.

— Ансельм, — поправила я, стараясь дышать ровно. — Запомни это имя, Джулиан. Иначе Гильдия переписчиков сожжет нас обоих, а я еще не готова умирать за идеалы средневекового феминизма.

Он не улыбнулся. Его морщина между бровями стала еще глубже.

— Ты остригла волосы, — тихо сказал он. Его пальцы скользнули к моему затылку, касаясь коротких, жестких прядей. — Ты оделась как мальчишка. Ты пахнешь моим мылом, потому что Агнес дала тебе мою рубаху, из которой я давно вырос. Ты сошла с ума.

— Это бизнес-решение, — парировала я, глядя на его губы. — Теперь я могу официально управлять цехом. И мне не нужно прятаться от заказчиков.

— Ты не понимаешь, что ты наделала, — он шагнул еще ближе, прижимая меня к тяжелому дубовому стеллажу с кожей. — Теперь ты здесь. В моей мастерской. В этих обтягиваю-

щих штанах. И мне придется смотреть на тебя каждый день, зная, что ты не просто служанка, которую я могу прогнать, а...

— А что? — прошептала я, задирая голову, чтобы смотреть ему в глаза.

Он наклонился, его лицо было в дюйме от моего. Я чувствовала его дыхание на своих губах.

— А... моя головная боль, — закончил он хрипло, и его лоб опустился на мой. — Ты моя головная боль, Грета.

Он не поцеловал меня. Не сейчас. Он просто стоял так, прижавшись лбом к моему, и его руки медленно обняли мою талию, притягивая ближе.

Я стояла в мастерской переплетчика, в мужской одежде, с короткими волосами, и понимала, что мой корпоративный план по оптимизации типографии с треском провалился. Зато личный план шел даже лучше, чем я ожидала.

— Знаешь, Джулиан, — тихо сказала я, обнимая его за шею. — Мне кажется, нам нужно провести еще один сеанс нетворкинга.

Наконец, его губы тронула едва заметная улыбка.

— Только без печенья, — прошептал он и накрыл мои губы своими.

Это был не нежный поцелуй. Это был поцелуй человека, который слишком долго терпел. Я ответила ему, забыв про дедлайны, про Гутенберга, про Инквизицию и про то, что я в теле восемнадцатилетней девочки.

Когда мы наконец оторвались друг от друга, Джулиан провел большим пальцем по моей нижней губе.

— Завтра в цеху будет много людей, — тихо сказал он. — Тебе придется играть роль мальчика. Не подавай виду, что ты знаешь меня. И не смотри на меня так, Грета. Иначе я забуду, что мы в мастерской, и ты потеряешь свою репутацию строгого мастера.

— Обещаю, — улыбнулась я, поправляя грубый камзол. — Но после заката...

— После заката, — перебил он, — ты придешь сюда. И мы продолжим наш... нетворкинг.

Я вышла из мастерской. Холодный ночной воздух ударил в лицо, но я не чувствовала холода.

Я была Ансельмом. Я была помощником великого Гутенберга. И я была, черт возьми, самой счастливой в XV веке.

Но я еще не знала, что завтра в Майнц приедет сам господин Фуст, главный инвестор Гутенберга, и привезет с собой проблему, которую не решит ни один визуальный маркетинг.

Глава 8

Первое, чем встретило меня утро моего первого полноценного рабочего дня в качестве «Ансельма», была попытка не задохнуться.

Бинтование груди, которое Агнес провела вчера вечером, оказалось процедурой, достойной пыток инквизиции. Я стояла перед куском отполированного железа, пытаясь вдохнуть полной грудью, но грубая льняная ткань, пропитанная клеем, сдавила ребра так, что каждый вдох давался с трудом.

— Агнес, — прохрипела я, когда повариха вошла в каморку с моим новым камзолом. — Если я умру от гипоксии прямо за наборной кассой, скажи Джулиану, что он был моим любимым ворчуном. И скажи Гутенбергу, что его KPI пошли прахом.

— Не ной, мальчишка, — буркнула Агнес, подавая мне камзол. — Чтобы грудь не болталась, когда ты будешь наклоняться к станку. В этом мире женщины в цеху — это либо шлюхи, либо ведьмы. А ты у меня пока просто уродливый, заморенный голодом подмастерье. Надевай.

Я натянула камзол. Он был тяжелым, пах табаком, потом и каким-то дешевым одеколоном, который, видимо, носил предыдущий владелец. Застегнув кожаные шнурки, я почувствовала себя так, словно на меня надели мешок с песком.

— Идет? — спросила Агнес, оценивающе щурясь.

— Как будто я обнялась с медведем, который решил меня съесть, но передумал, — отозвалась я, расправляя плечи. Двигаться было сложно, дышать — еще сложнее, но зато в зеркале на меня смотрел абсолютно убедительный пацан лет семнадцати. Острые скулы, замазанные сажей, короткие темные волосы, хитрый блеск в глазах.

— Отлично. А теперь иди. Герр Иоганн уже извёлся — того и гляди начнёт переговариваться с голубями.

Я вышла во двор. Утреннее солнце уже золотило крыши Майнца, а из цеха доносился привычный стук. Но сегодня я шла туда не как служанка, которая должна незаметно проскользнуть к очагу. Я шла туда как Ансельм.

В цеху меня встретили молчанием. Ганс, Клаус и Петер стояли у станка, глядя на меня так, словно я была ходячим скелетом.

— Доброе утро, джентльмены, — сказала я, стараясь сделать голос ниже. — Вижу, вы уже готовы к утреннему спринту. Отлично. Герр Иоганн, у нас есть планерка?

Гутенберг вышел из кабинета. Посмотрел на меня, потом на рабочих, и его левый глаз предательски дернулся.

— А, да... мастер Ансельм, — произнес он. — Рад, что вы присоединились к нам. Коллеги, Ансельм отныне будет следить за качеством набора и распределением задач. Слушаться его так же, как меня.

— Слушаемся, мастер Ансельм, — пробасил Ганс, глядя в пол.

— Прекрасно, — я потерла ладони. — А теперь к делу. У нас есть срочный заказ от гильдии торговцев сукном. Им нужно напечатать пятьсот экземпляров сложного коммерческого трактата с таблицами, латинскими вставками и цифрами. Гутенберг сказал, что наборщики будут делать это неделю. Я предлагаю сделать это за два дня.

Клаус тихо пискнул.

— За два дня? — переспросил Ганс. — Там же таблицы! Там же латынь! Мастер Петер сказал, что на это уйдет месяц, потому что нужно постоянно сверяться с оригиналом!

— Мастер Петер не знает, что такое паттерн-матчинг, — отрезала я, подходя к верстаку. — Принесите мне оригинал. И кассу с латинскими литерами.

Мне принесли толстую переписанную от руки тетрадь и тяжелый деревянный ящик с мелкими, хитрыми буквами. Я села на табурет, взяла в руки наборную верстку и вдохнула — насколько позволяли бинты.

— Так, — пробормотала я. — Включаем режим «машина».

В моей прошлой жизни, в «ПринтМастере», у нас был старый, полуслепой наборщик дядя Коля. Он мог набирать текст, не глядя на кассу, просто на ощупь. Он говорил, что буквы имеют «вкус» и «вес». Я тогда смеялась, а теперь, стоя у верстака в XV веке, я поняла, что он имел в виду.

Я закрыла глаза на секунду, вспоминая расположение кассы. Латинский шрифт. Антиква. Засечки тоньше, чем у готики. Буквы легче.

Я протянула руку. Пальцы сами нашли нужную ячейку. Щелк. Литера «А» легла в верстку. Щелк-щелк. «М» и «Е». Щелк-щелк-щелк-щелк. Ритм ускорился. Мои руки двигались как механические манипуляторы. Свинец холодный, тяжелый, но каждый кусочек вставал в паз идеально. Я чувствовала, как в голове разгоняется мотор. Мир вокруг перестал существовать. Остался только текст, ритм и щелчок металла.

Я закончила первую страницу, выровняла реглетки, проверила интервалы и отложила верстку в сторону. На это ушло ровно двенадцать минут.

Я взяла следующую страницу.

— Она... ой, он не смотрит в кассу, — раздался шепот Клауса. Он звучал так, словно мальчик увидел, как я хожу по воде. — Он вообще не смотрит! У него глаза закатились!

— Это не человек, — прошептал Ганс, его голос дрожал. — Это демон. Демон скорости. Гутенберг призвал его из ада, чтобы он считал наши души.

— Ганс, если ты не заткнешься и не начнешь мазать валы, я демонстративно вызову демона медленности, и ты будешь красить бумагу пером улитки, — бросила я, не прекращая работы. Щелк-щелк-щелк.

— Тихо! — шикнул Петер. — Он набирает таблицу! Цифры! Он набирает цифры вслепую!

Я усмехнулась про себя. Цифры? Цифры — это вообще музыка. Щелк-щелк-щелк.

Через час на моем столе лежало десять готовых, идеально выверенных страниц. Я отложила верстатку, потянулась — и тихо зашипела, когда бинты на груди впились в ребра — и встала.

Рабочие стояли в отдалении, прижавшись друг к другу. Они смотрели на меня с ужасом и благоговением.

— Что? — спросила я, вытирая лоб тыльной стороной ладони. — Никогда не видели, как работает оптимизированный нейронный интерфейс?

— Нет, ну, ты точно ведьма, — выдохнул Клаус. — Не иначе, как продала душу Меркурию.

— Я продала душу корпоративной этике, Клаус, это гораздо хуже, — вздохнула я. — А теперь берем эти формы и на станок. Ганс, краска. Петер, бумага. Поехали!

Они бросились выполнять мои приказы с такой скоростью, словно я могла в любой момент превратить их в жаб.

Я отошла к окну, чтобы глотнуть воздуха. Голова кружилась. Я расстегнула верхнюю пуговицу камзола, пытаясь вдохнуть.

— Ты побледнел, Ансельм.

Я вздрогнула и обернулась. В дверях цеха стоял Джулиан. В руках он держал стопку готовых переплетов, но смотрел не на мое замазанное сажей лицо, а на мою грудь — на то, как я жадно хватаю ртом воздух.

— Просто... устал, — хрипло сказала я. — Текст сложный.

Джулиан медленно подошел ко мне. Поставил книги на стол. Лицо хмурое, но в уголках глаз — знакомые искорки.

— Сложный текст, — повторил он тихо, так, чтобы не слышали рабочие. — И очень тесный камзол. Агнес перестаралась с бинтами?

— Немного, — призналась я шепотом. — Я думала, привыкну.

— Ты допривыкаешь до того, что упадешь в обморок прямо на наборную кассу и испугаешь Ганса до инфаркта, — буркнул он. Он протянул руку и, якобы поправляя мне воротник, незаметно ослабил верхнюю шнуровку.

Я сделала глубокий, полный вдох. Воздух хлынул в легкие.

— Спасибо, — выдохнула я.

— Не благодари. — Он отступил на шаг, его лицо снова стало хмурым. — Просто не умирай в моем цеху. Мне не хочется объяснять Инквизиции, почему подмастерье Гутенберга задохнулся в собственной одежде.

— Я постараюсь, — улыбнулась я.

Он посмотрел на мою улыбку. Морщина между бровями слегка разгладилась, но он тут же отвернулся.

— Вечером, — бросил он через плечо, уходя. — Таверна «У Толстого Барана». После заката. Не опаздывай.

***

Таверна «У Толстого Барана» была местечком популярным. Когда я ввела туда свою «команду», местные завсегдатаи — бородатые грузчики и шумные торговцы — даже не повернули голов.

— Так, коллеги, внимание! — я хлопнула в ладоши, заставляя Ганса, Клауса и Петера подпрыгнуть. — Мы отлично поработали. Мы выполнили план. Мы спасли бизнес. Но корпоративная культура требует не только кнута, но и пряника. Сегодня у нас обязательный тимбилдинг!

— Тим... билдинг? — с подозрением спросил Ганс, усаживаясь за липкий стол. — Это когда строят дом?

— В каком-то смысле, Ганс. Мы строим командный дух. — Я села во главе стола. — Нам четыре кувшина эля и жареных колбасок!

Когда еда и питье появились, я объяснила правила.

— Мы играем в игру, которая называется «Крокодил». Или «Алиас». Суть проста: один человек показывает суть вещи или действие без слов. Остальные должны угадать. Кто угадал — показывает следующим.

Рабочие смотрели на меня как на сумасшедшую.

— Показывать без слов? — переспросил Клаус. — Это что, пантомима для придурков?

— Именно. — Я кивнула. — Ганс, начинай ты. Показывай... плуг.

Ганс встал, пыхтя, как паровоз. Он расставил ноги, согнулся пополам и начал делать руками движения, словно держал невидимые оглобли. Его лицо покраснело от натуги.

— Пашет! — заорал Петер.

— Нет, он не пашет, он танцует! — засмеялся Клаус.

— Это плуг, идиоты! — рявкнул Ганс, выпрямляясь и вытирая пот.

— Засчитано! — я хлопнула в ладоши. — Отлично! Теперь Клаус. Показывай... Инквизицию.

Клаус побледнел.

— Инквизицию? Госпожа... то есть, мастер Ансельм, это же опасно!

— Это игра, Клаус, они не сожгут нас за пантомиму, — успокоила я его.

Клаус встал, огляделся, потом медленно поднял палец вверх, сделал грозное лицо и начал воображать, что поджигает невидимый костер, при этом изображая, как он сам на нем жарится.

— Блестяще, — восхитилась я. — Петер, твой ход. Показывай... Джулиана.

Петер открыл рот, чтобы возразить, но в этот момент в таверну вошел сам Джулиан.

Он выглядел так, словно его вели на плаху. На нем был его неизменный темный камзол, но без фартука. Он хмурился так сильно, что его брови почти слились с волосами. Он сел в самом темном углу, заказал кружку эля и скрестил руки на груди.

Я не удержалась и рассмеялась.

— Джулиан! Иди к нам! — замахала я рукой.

Он медленно, с видимым нежеланием, пересел за наш стол. Посмотрел на меня, потом на рабочих, потом на кружку эля.

— Я не играю в детские игры, Ансельм, — буркнул он.

— Это не детские игры, это развитие мягких навыков, — парировала я, пододвигая к нему кружку. — К тому же, ты уже участвуешь. Петер как раз показывал тебя.

Джулиан приподнял бровь.

— И как? У него получилось?

— Он показал хмурого человека, который режет кожу и ненавидит всех вокруг, — честно сказал Петер.

Джулиан фыркнул. В уголке его губ мелькнула тень улыбки.

— Точно, — кивнула я. — Твоя очередь, Джулиан. Показывай.

— Нет, — отрезал он, делая глоток эля.

— Джулиан, — я наклонилась к нему, опираясь локтями о стол. — Пожалуйста. Это для командного духа. Если ты не будешь играть, я подумаю, что ты боишься проиграть.

Его темные глаза сузились. Он посмотрел на меня, и я увидела в них знакомый огонек вызова.

— Я не проигрываю, Ансельм, — тихо сказал он.

— Тогда докажи это. — Я подмигнула ему. — Показывай... Гутенберга, когда у него дергается глаз.

Рабочие подавились элем. Ганс тихо застонал, ожидая, что Джулиан сейчас убьет меня на месте за такую дерзость.

Джулиан медленно поставил кружку и встал. Его лицо было абсолютно серьезным. Он посмотрел на нас, потом его левый глаз начал совершать такие сложные, синхронные движения, что я сама испугалась. Он добавил к этому дергающемуся глазу выражение абсолютного ужаса и начал хвататься за голову, словно пытаясь удержать внутри череп что-то взрывающееся.

Это было так точно, так гротескно и так невероятно смешно, что я сначала ахнула, а потом разразилась хохотом. Ганс упал со скамьи. Клаус и Петер визжали, держась за животы. Вся таверна смотрела на нас, и даже суровые грузчики начали ухмыляться.

Джулиан закончил «пантомиму», тяжело выдохнул и сел обратно. Он посмотрел на нас, на смеющихся рабочих, и вдруг...

Он улыбнулся. Настоящей, широкой улыбкой, которая полностью преобразила его лицо. Морщина между бровями исчезла, а глаза стали теплыми, почти золотистыми в свете свечей.

Мое сердце пропустило удар.

— Это... это было великолепно, — прошептала я.

— Я достаточно хорошо его показал? — спросил Джулиан, и его голос был мягким, без привычной хрипоты.

— Идеально. — Я кивнула. — Ты выиграл этот раунд.

Он смотрел на меня, и его улыбка медленно превратилась в ту самую, интимную, которая предназначалась только для меня.

Остаток вечера прошел как в тумане. Мы пили эль, ели колбаски, и я заставляла рабочих показывать все, что приходило в голову: от доения коровы до чтения запрещенной книги. Джулиан сидел рядом со мной, и его плечо иногда касалось моего.

Когда мы, наконец, вышли из таверны, нас встретил холодный и свежий ночной воздух. Рабочие, шатаясь, побрели по домам, напевая пьяные песни. Мы с Джулианом остались стоять во дворе, под светом луны.

— Ты странный мальчик, Ансельм, — сказал он, глядя на звезды. — Ты заставляешь людей смеяться. Ты заставляешь их работать быстрее. Ты заставляешь меня...

Он осекся и посмотрел на меня.

— Заставляю тебя что? — тихо спросила я, делая шаг ближе.

— Забывать, что я должен быть хмурым, — закончил он. Он поднял руку и осторожно провел пальцами по моим коротким волосам на затылке. — Ты опасна, Грета.

— Я не Грета, я Ансельм, — шепнула я, закрывая глаза от его прикосновения.

— Для меня ты всегда будешь Гретой. — Он шагнул еще ближе, его лоб коснулся моего. — И для меня ты всегда будешь единственным светом в этом проклятом городе.

Я подняла лицо, и он поцеловал меня. Это был мягкий, глубокий поцелуй, в котором было больше нежности, чем в первом. Я обвила руками его шею, забыв про бинты, про камзол, про то, что мы на улице.

Но наше свидание было прервано.

Из-за угла дома раздался громкий стук колес и цокот копыт. Во двор въезжала карета. Но не простая карета, а тяжелая, крытая железом повозка, запряженная шестью лошадьми. Рядом с ней ехали четверо вооруженных всадников в ливрее с гербом, который я уже видела.

Дверца повозки распахнулась, и из неё вышел высокий, худой мужчина в роскошном, но строгом чёрном камзоле. Его лицо было холодным, а глаза неторопливо обшаривали двор.

Джулиан мгновенно отстранился от меня. Он встал передо мной, закрывая от взгляда прибывшего.

— Кто это? — прошептала я.

— Фуст, — глухо ответил Джулиан. — Главный инвестор Гутенберга. И, судя по его лицу, он приехал не за тем, чтобы похвалить нас за индульгенции.

Дверь цеха распахнулась и из нее выбежал Гутенберг.

— Господин Фуст! — его голос сорвался на фальцет. — Какой... какой приятный сюрприз! В такое время!

Фуст медленно повернул голову к Гутенбергу.

— Сюрприз, Иоганн? — его голос был тихим, но он разнесся по всему двору. — Я приехал проверить, куда ушли мои деньги. И, кажется, я нашел ответ. Ты печатаешь картинки для крестьян, ты нанимаешь бродяг в качестве мастеров, и ты...

Фуст перевел свой ледяной взгляд на меня и Джулиана.

— ...и ты позволяешь своим подмастерьям обниматься в темноте, вместо того чтобы заниматься моими заказами.

Глава 9

Звук тяжелых, подкованных железом сапог по брусчатке двора звучал как похоронный марш. Господин Фуст шел к нам, и мой внутренний финансист начинал бить тревогу.

Иоганн Гутенберг выглядел так, словно его только что вызвали на ковер после квартального отчета с убытками. Гутенберг пытался держать лицо, но левая половина его решительно отказывалась.

— Господин Фуст, — Гутенберг попытался изобразить подобие радостной встречи, раскинув руки, но тут же опустил их, заметив, что инвестор не настроен на объятия. — Какой... какой неожиданный визит. Мы как раз завершали ночную смену. Машина работает, тиражи растут...

Фуст остановился в трех шагах от него. При свете факелов его худое, аристократичное лицо казалось высеченным из мрамора. Холодные серые глаза сканировали двор, оценивая каждый мешок с бумагой, каждую бочку с краской.

— Неужели, Иоганн? — голос Фуста был тихим, шелковистым. — Потому что из того, что я увидел, пока ехал сюда, следует, что ты превратил мою типографию в цирк. Ты печатаешь картинки для неграмотных крестьян. Ты нанимаешь бродяг. И, судя по последним слухам, ты позволяешь своим подмастерьям пьянствовать в тавернах вместо того, чтобы готовить грандиозный проект — Библию.

Гутенберг побледнел.

— Библия требует времени, господин Фуст! Это сложный текст, масса наборных форм, мы работаем над качеством...

— Я не плачу за качество, Иоганн. Я плачу за результат, — отрезал Фуст. Его взгляд скользнул по мне и Джулиану, стоящим в тени. — И я не плачу за то, чтобы мои инвестиции уходили на эль для моих работников. Где моя прибыль от этих... индульгенций?

Я не могла больше молчать. Мой внутренний менеджер по работе с инвесторами проснулся и потребовал слова. Я шагнула вперед, стараясь держаться уверенно, несмотря на тугие бинты и камзол, пахнущий чужим потом.

— С позволения герра Гутенберга, господин Фуст, я предоставлю Вам краткий финансовый отчет, — сказала я, делая голос ниже и тверже.

Фуст приподнял бровь, глядя на меня как на наглую мошку.

— Ты кто такой, мальчишка?

— Ансельм. Старший помощник и... э-э... директор по развитию бизнеса, — представилась я, игнорируя испуганный вздох Гутенберга. — Господин Фуст, Вы смотрите на наш проект как на традиционное ремесло. Но мы построили нечто большее. Индульгенции с визуальным сопровождением — это не просто картинки. Это масштабирование с нулевыми предельными издержками на копию. Мы продаем не бумагу. Мы продаем эмоциональное облегчение. И маржинальность этого продукта составляет четыреста процентов.

Фуст моргнул. Термины «масштабирование» и «маржинальность» прозвучали для него как заклинания на неизвестном диалекте, но суть он уловил по цифрам.

— Четыреста процентов? — переспросил он. В его ледяных глазах мелькнул интерес.

— Именно, — кивнула я. — Мы закрыли B2C-сегмент. Крестьяне и мелкие дворяне скупают эти листовки. Но, господин Фуст, Вы правы в одном. Индульгенции — это разовая покупка. Нам нужен продукт с высокой частотой потребления и дополнительными опциями. Нам нужен апсейл.

— Ап... сейл? — Фуст сощурился.

— Дополнительная продажа, — перевела я. — Крестоносцы уходят в поход. Им нужно не только отпущение грехов. Им нужно снаряжение, карты, безопасные маршруты и места для

привалов. Мы можем напечатать не просто воззвания, а «Наборы паломника и воина». Карты маршрутов с отмеченными тавернами, где они могут остановиться, и купоны на скидку в оружейных лавках.

Гутенберг смотрел на меня так, словно я только что предложила продать Римскому Папе Ватикан в рассрочку.

— Ты хочешь, чтобы мы печатали карты? — прошептал он. — И брали деньги с таверн за то, что их названия будут на карте?

— Это называется «продакт плейсмент», Иоганн, — шикнула я на него, а затем снова повернулась к Фусту. — Таверны и лавки заплатят нам за включение их в «официальный, благословленный Церковью путеводитель». Это двойная монетизация, господин Фуст. Мы зарабатываем на печати для крестоносцев и на рекламе для торговцев.

Фуст стоял молча. Он посмотрел на меня, потом на Гутенберга, потом на темные окна цеха.

— Двойная монетизация, — медленно произнес он. — Если ты лжешь, мальчишка, я велю отрезать тебе язык. Но если это сработает... я дам вам еще три тысячи флоринов на расширение парка станков. У вас есть неделя, чтобы представить мне прототип «Набора паломника». И если он будет таким же гениальным, как ты говоришь, мы подпишем новый контракт.

Он развернулся и направился к своей карете.

— Неделю, Иоганн! — бросил он через плечо, садясь в экипаж. — Или я заберу твою мастерскую за долги!

Карета уехала. Во дворе повисла тишина.

Гутенберг медленно сполз по стене и сел на землю, обхватив голову руками.

— Карты... купоны... — бормотал он. — Мы разорены. Мы не сможем нарисовать карты. Переписчики рисуют их годами.

— Не сможем, если будем делать это по старинке, — я хлопнула в ладоши, разгоняя его уныние. — Но мы и не будем. Джулиан!

Я повернулась к переплетчику. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с тем самым хмурым выражением, которое я уже успела полюбить. Но в его глазах больше не было раздражения.

— Идем, — сказала я, хватая его за рукав камзола. — Нам нужно в твою мастерскую. Сроки у нас горят так, что скоро придётся тушить пожарной командой.

***

Мастерская Джулиана ночью казалась еще более уютной, чем днем. Единственная свеча на столе отбрасывала мягкие, пляшущие тени на стены, увешанные инструментами. Воздух был густым от аромата вишневого дерева, пчелиного воска и того терпкого травяного отвара, который всегда варил Джулиан.

Я уселась на табурет, наблюдая, как он разжигает маленькую горелку, чтобы разогреть клей. Мои ребра уже просто невозможно ныли от бинтов, но адреналин от разговора с Фустом глушил любую боль.

— Итак, — начала я, когда он сел напротив, положив перед собой чистый лист пергамента и набор резцов. — Мы делаем карту Святой Земли и маршрутов через Европу. Но она не должна быть просто географической. Она должна быть навигационной.

Джулиан взял уголек и посмотрел на меня.

— Ты требуешь невозможного, Грета, — тихо сказал он, используя мое настоящее имя, как делал всегда, когда мы оставались наедине. — Точная карта требует тригонометрии и измерений. У меня нет инструментов для этого.

— Нам не нужна точность до дюйма, — я наклонилась вперед, опираясь локтями о стол. — Нам нужна визуальная ясность. Мы используем изометрическую проекцию. Вот тут, — я

провела пальцем по пергаменту, не касаясь его, — мы рисуем не линии, а символы. Горы как треугольники, леса как елочки, города как башенки. А главное — мы делаем акценты.

Джулиан начал легко, уверенно штриховать лист. Его рука была твердой, движения — выверенными. Я смотрела на его пальцы, длинные, сильные, с коротко остриженными ногтями, и понимала, что теряю нить мысли.

— Акценты? — переспросил он, не поднимая глаз.

— Да. Мы выделяем жирным контуром те таверны и лавки, которые заплатили за рекламу. Остальные делаем бледными, почти прозрачными. Путешественник должен сразу видеть, где безопасно, где вкусно и где дешево. Это будет первый в мире гид с интегрированной коммерцией.

Джулиан остановился. Он поднял глаза, и в них плескалось такое восхищение, что у меня перехватило дыхание.

— Ты мыслишь как самый хитрый купец Венеции, — прошептал он. — Но при этом... ты видишь красоту в том, как сделать коммерцию незаметной. Ты хочешь, чтобы карта была не просто свитком, а произведением искусства, которое ведет за руку.

— Я хочу, чтобы она была удобной, — усмехнулась я. — Пользовательский опыт, Джулиан. Если паломник будет блуждать с нашей картой и не заблудится, он купит еще одну для своего друга. Это сарафанное радио.

— Сарафанное... радио, — он тихо рассмеялся. Звук был низким, бархатистым, и от него у меня по спине пробежала дрожь. — Ты говоришь странные слова, Грета. Но за каждым из них — гениальность.

Он отложил уголек и взял в руки резец и дощечку из грушевого дерева, которую уже начал готовить для пробной гравюры.

— Покажи мне, как ты видишь этот «акцент», — сказал он, придвигая дощечку ко мне.

Я взяла в руки тонкое перо, обмакнула его в чернильницу и начала рисовать контур таверны. Мои навыки рисования были далеки от совершенства, но я понимала композицию. Я сделала линии толще, добавила дымок из трубы и вывеску с кружкой.

Джулиан смотрел на мою руку. Он сидел так близко, что я чувствовала тепло его тела. Его плечо почти касалось моего. В тесной мастерской, при свете одной свечи, пространство казалось сжатым, наэлектризованным.

Внезапно он протянул руку и накрыл мою ладонь своей. Его кожа была шершавой, теплой, покрытой мелкими царапинами. Мои пальцы замерли над деревом.

— Ты держишь перо слишком сильно, — тихо сказал он, его голос упал до хриплого шепота. — Расслабь кисть. Дай чернилам течь.

Он не убрал руку. Наоборот, его пальцы мягко, но настойчиво разжали мои, корректируя хват. Его грудь была всего в дюйме от моего плеча. Я чувствовала, как он дышит. И я также остро осознавала тугие, болезненные бинты на своей груди, которые впивались в кожу при каждом вдохе.

— Джулиан... — выдохнула я, пытаясь отстраниться, но он не позволял.

— Ты пахнешь лавандой сегодня, — вдруг сказал он, и его голос дрогнул.

Мое сердце ухнуло куда-то вниз. Я замерла, боясь пошевелиться.

— Агнес дала мне новое мыло, — соврала я, стараясь, чтобы голос не сорвался. — С травами.

Джулиан медленно покачал головой. Его лицо было так близко, что я видела каждую ресницу, каждую золотистую искорку в его темных глазах. Его морщина между бровями снова появилась, но на этот раз она выражала не раздражение, а глубокую, мучительную тревогу.

— Нет, — тихо сказал он. — Ты пахнешь собой. Гретой.

Он произнес мое настоящее имя, и от этого у меня закружилась голова.

— Я молился, — прошептал он, и в его голосе звучала глухая боль. — Я молился святому Иерониму, чтобы он даровал мне терпение. Потому что я вижу, как ты рискуешь каждый день. Я вижу эту наглую, прекрасную девчонку, которая спасает мастерскую, которая смеется так, что у меня перехватывает дыхание, и я понимаю... Я не могу просто стоять и смотреть, как ты играешь с огнем. Этот обман когда-нибудь тебя погубит.

Я сидела, не дыша. Мой мозг, привыкший решать логистические задачи, полностью отказался работать. Он все осознавал. И его мучило не то, кем я притворяюсь, а то, в какой опасности я нахожусь, и то, что он не может открыто встать на мою защиту, не раскрыв мою тайну.

— Джулиан, — мягко сказала я, протягивая руку и касаясь его щеки. Его щетина колола мои пальцы. — Ты не должен молиться об этом. То, что между нами... это не грех и не ошибка.

Он закрыл глаза, когда я провела большим пальцем по его скуле. Его губы слегка приоткрылись.

— Ты играешь с огнем, Грета, — хрипло произнес он, открывая глаза и глядя на мои губы. — Весь мир видит перед собой подмастерья Ансельма. А я вижу тебя. И я проклят, потому что не могу перестать смотреть, не могу перестать хотеть быть ближе, но я не имею права выдать твой секрет.

— Тогда просто смотри, — прошептала я в ответ.

Он наклонился. Я зажмурилась, чувствуя, как его дыхание обжигает мои губы. Его рука скользнула к моему затылку, пальцы запутались в коротких, стриженых волосах. Я почувствовала, как его губы коснулись моей щеки, потом скользнули ниже, к шее, туда, где пульс бился как сумасшедший. Его дыхание было горячим, прерывистым.

Его губы нашли точку под моим ухом, и по моему телу прошла дрожь. Его пальцы сжали мою талию, притягивая ближе, игнорируя грубую ткань камзола. Я могла чувствовать, как бьется его сердце — быстро, неровно.

— Грета... — прошептал он против моей кожи, и его голос был таким хриплым, таким полным сдерживаемого желания, что у меня подкосились колени.

Но в этот момент тяжелая дубовая дверь мастерской с грохотом распахнулась.

— Ансельм! Ты здесь?! — заорал голос Петера, и в дверях появился запыхавшийся мальчишка. — Герр Гутенберг велел передать! Пришел гонец из Кельна! Они хотят заказать партию карт, но они требуют, чтобы на них был изображен их епископ, благословляющий путь! И они хотят скидку пятьдесят процентов!

Джулиан резко отстранился от меня. Маска хмурого мастера мгновенно вернулась на его лицо, но я успела заметить, как сжались его челюсти от досады.

— Скажи герру Иоганну, что я через минуту, — рявкнула я на Петера так, что мальчишка подпрыгнул и исчез.

Джулиан тяжело выдохнул, провел рукой по лицу и посмотрел на меня. В его глазах больше не было той самой темной, подавленной страсти. Теперь там был холодный расчет мастера, которого оторвали от работы.

— Епископ, благословляющий путь, — пробормотал он. — Это испортит всю композицию. Фигура займет треть карты.

— Мы сделаем его в углу, — быстро сказала я, тоже переключаясь на рабочий лад, хотя мое сердце все еще колотилось как бешеное. — Мы используем негативное пространство. Он будет в медальоне. Это даже лучше, это создаст эффект «официального патроната».

Джулиан посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ты невероятная, Грета, — тихо сказал он. — Иди к Иоганну. Я начну резать медальон.

Я встала, шатаясь от нахлынувших эмоций. Мои колени подкашивались, а щеки горели.

— Спасибо, Джулиан, — сказала я, направляясь к двери.

— За что? — спросил он, уже склоняясь над дощечкой и беря в руки резец.

— За то, что ты... за то, что ты есть, — улыбнулась я и выскользнула из мастерской.

Ночной воздух ударил мне в лицо, но он не остудил моего пыла. Я стояла во дворе, прижимая руки к груди, и чувствовала себя так, словно выиграла главный тендер года.

Я влюбилась в переплетчика.

— Так, Анна, — прошептала я, глядя на звезды. — Коэффициент твоей полезности зашкаливает. Но тебе лучше придумать, как мы будем поддерживать иллюзию того, что я Ансельм, потому что, если Гильдия переписчиков узнает правду до того, как мы сдадим карты Фусту, этот стартап закроется навсегда. А Джулиан... Джулиан не переживет, если со мной что-то случится.

Глава 10

Следующие четыре дня мастерская жила в режиме конвейера. Мы печатали «Путеводитель паломника».

Это был первый в мире интерактивный путеводитель. Глянцевый журнал XV века, который должен был перевернуть рынок религиозного туризма.

Я стояла у стола, заваленного пробными оттисками, и чувствовала, что нервы мои на пределе. Моя главная проблема сейчас была не в том, что Ганс снова путал реглетки, и не в том, что Клаус пытался продать часть тиража налево. Моя главная проблема была привязана к моей груди.

Бинты, пропитанные клеем, превратились в пытку. Кожа под ними воспалилась, чесалась так, что хотелось лезть на стену, а каждый вдох давался с трудом. Словно меня заковали в слишком тесные доспехи, но я не могла их ослабить. Если я сниму камзол и покажу, что под ним нет мужской анатомии, весь этот стартап рухнет. Инквизиция, Гильдия, Фуст — все они сожгут нас на костре или как минимум лишат работы.

— Мастер Ансельм, — голос Петера вырвал меня из мрачных мыслей. Мальчишка держал в руках лист бумаги, перемазанный с ног до головы. — У нас проблема с синей краской. Для рек на карте.

— Что за проблема, Петер? — я потерла виски. — Мы же согласовали рецепт. Индиго, смешанный с мелом и яичным белком.

— Мел закончился, — пожал он плечами. — А Агнес говорит, что новый привезут только через неделю. А нам нужно печатать реки сегодня, иначе карта не успеет высохнуть к приходу Фуста.

Я закрыла глаза, считая до десяти. Классическая проблема с цепочкой поставок.

— Ладно. Тащи меня в красильню. Посмотрим, что у нас есть в запасах.

В красильне пахло кислотой и вареными травами. Я перебрала все мешки и банки, пока мой взгляд не упал на небольшой глиняный горшок с порошком бледно-голубого цвета.

— Что это? — спросила я, указывая на него.

— А, это азурит, — махнул рукой Ганс. — Его привезли из Венеции. Дорогой, мы его бережем для иллюминации Библии. Он дает глубокий, небесный цвет, но, если смешать его с обычным маслом, он тускнеет.

Я подошла, окунула палец в порошок и потерла его между пальцами. Решение пришло само.

— Он тускнеет, потому что масло имеет желтый пигмент, который гасит синий спектр, — объяснила я, глядя на их непонимающие лица. — Нам не нужно масло. Нам нужен связующий агент, который будет прозрачным. Ганс, принеси мне рыбий клей и немного винного уксуса.

Через полчаса мы получили идеальную, ярко-лазурную краску, которая ложилась на бумагу ровно и не желтела при высыхании. Рабочие смотрели на меня с благоговением.

— Это магия, — прошептал Клаус. — Ты превратила венецианскую пыль в воду.

— Это коллоидная химия, Клаус, — усмехнулась я.

Но тут же поморщилась. Резкое движение вызвало приступ кашля, а вместе с ним — острую боль в груди. Бинты впивались в ребра. Я схватилась за край стола, чтобы не упасть.

Я оперлась рукой о стол, пытаясь поймать воздух. Легкие не слушались.

— Грета! — голос Джулиана прозвучал прямо за спиной.

Я даже не заметила, как он вошел в красильню. Сильные руки подхватили меня под локти, не давая рухнуть на пол, залитый краской.

— Ты белая как мел, — его голос был напряженным. — Что с тобой? Ты больна?

— Просто... устала, — прохрипела я, стараясь не смотреть ему в глаза. — Голова кружится.

— На усталость это не похоже. — Он жестко, но осторожно подхватил меня на руки. — Ганс, скажи Иоганну, что я беру Грету… то есть, Ансельма к себе. Если кто-то посмеет войти в мою мастерскую без стука, я отрежу ему уши.

***

Я протестовала слабо, но сил не было. Джулиан вынес меня из душного, пахнущего химией цеха на свежий воздух и понес через двор в свой тихий флигель.

Он уложил меня на узкую кушетку в углу своей мастерской, завешенную тяжелой тканью для уединения. Запах кожи, воска и трав окружил меня, и на секунду мне стало легче.

— Сними камзол, — приказал он, стоя ко мне спиной и готовя какие-то склянки на столе.

Мое сердце пропустило удар, а потом забилось в паническом ритме.

— Джулиан, не надо, я просто полежу...

— Сними. Камзол. Грета, — сказал он, повернувшись ко мне, — ты выглядишь очень плохо. У тебя жар, похоже, началось воспаление. Я же вижу, как тяжело ты дышишь!

Я сидела, прижав руки к груди, и лихорадочно думала. Если я сниму камзол, он увидит, насколько плохо обстоят дела. Кожа под бинтами воспалилась, чесалась так, что хотелось лезть на стену, а каждый вдох давался с трудом. Но я не могла признаться, насколько всё плохо. Если он узнает, что я на грани обморока, он запретит мне работать. А Фуст приедет послезавтра.

— Джулиан, — начала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Это не рана. Это всего лишь дерматит. Кожа воспалилась от клея и уксуса. Агнес посоветовала перетянуть грудь льняными бинтами, смоченными в уксусе, чтобы уменьшить отек.

Он замер. Его темные глаза сузились, сканируя мое лицо.

— Дерма... тит?

— Воспаление кожи, — перевела я. — Если ты снимешь бинты, ты раздражишь её ещё больше. Пожалуйста. Просто дай мне мазь, я намажу сама.

Он секунду молча смотрел на меня. Потом выдохнул и чуть опустил плечи.

— Хорошо. Но я помогу тебе. Ты слишком слаба, чтобы делать это самостоятельно.

Он подошел, протянул мне маленькую баночку с пахучей, мятной субстанцией. Я быстро расстегнула камзол, достала баночку и щедро намазала мазь поверх пропитанных клеем и уксусом лент, прямо там, где кожа горела огнем. Холод и ментол мгновенно принесли облегчение. Я зажмурилась, издав тихий вздох.

Джулиан сидел на краю кушетки, наблюдая за мной.

— Дай мне, — тихо сказал он, забирая баночку из моих дрожащих пальцев.

Я хотела возразить, но он уже нанес мазь на свои пальцы. Его рука скользнула к моей груди, и я почувствовала, как его прохладные пальцы легли поверх бинтов, аккуратно распределяя мазь по воспаленной коже.

Мое дыхание сбилось. Его пальцы двигались медленно и каждый раз, когда они касались бинтов, по моему телу проходила дрожь. Он был так близко, что я чувствовала его дыхание на своей шее.

— Ты прячешь от меня что-то еще, Грета,— прошептал он, не отрывая взгляда от моей груди. — Не только свою боль.

Я открыла глаза. Он был так близко. Я видела, как напряжена линия его челюсти, как тяжело он дышит.

— Я прячу только то, что не хочу, чтобы ты увидел, — честно ответила я, и в моем голосе прозвучало столько искренней боли, что он вздрогнул.

Его пальцы замерли на моей груди. Он медленно поднял глаза, и в них было столько сдерживаемого желания, что у меня подкосились колени.

— Когда Фуст уйдет, — прошептал он, его рука скользнула выше, касаясь ключицы, — когда мы получим его золото... ты расскажешь мне правду. Какой бы она ни была. Обещаешь?

— Обещаю, — выдохнула я, закрывая глаза и позволяя его пальцу скользнуть по моей скуле.

Его рука медленно опустилась, но он не отстранился. Его лоб коснулся моего, и я почувствовала, как его дыхание обжигает мои губы.

Он наклонился, и его губы коснулись моей щеки, потом скользнули ниже, к шее, туда, где пульс бился как сумасшедший. Его пальцы сжали мою талию, притягивая ближе. Я могла чувствовать, как бьется его сердце — быстро, неровно.

— Грета... — прошептал он, и его голос был таким хриплым, таким полным сдерживаемого желания, что у меня перехватило дыхание.

Но, как назло, как и в прошлый раз, когда мы уже были в похожей ситуации, тяжелая дубовая дверь мастерской с грохотом распахнулась.

— Грета! Ой, мастер Ансельм! — заорал голос Петера, и в дверях появился запыхавшийся мальчишка. — Герр Гутенберг велел передать! Фуст приедет не послезавтра, а завтра утром!

Джулиан резко отстранился от меня и снова нахмурился, будто ничего и не было.

***

В полдень седьмого дня дверь цеха распахнулась, и вошел господин Фуст.

Он выглядел так, словно проглотил лимон и запил его уксусом. Его черные глаза метали молнии, а тонкие губы были сжаты в ниточку. За ним шли два его помощника, тащившие тяжелые сундуки.

— Иоганн, — голос Фуста был тихим, но от него по спине пробежал холодок. — Время вышло. Покажи мне свой «прорыв». Если это окажется очередной тратой моих денег на картинки для простолюдинов, я заберу твои станки и продам их на дрова.

Гутенберг, который за эту неделю поседел и потерял еще пять фунтов веса, нервно сглотнул. Как обычно, его левый глаз выдавал дергающиеся кульбиты.

— Господин Фуст, Вы окажете нам честь, — Гутенберг сделал широкий жест рукой в сторону большого дубового стола в центре цеха.

На столе лежал ОН. Наш «Путеводитель паломника».

Это была карта формата А2, напечатанная с трех деревянных досок, идеально совмещенных друг с другом. Черный контур был четким, как бритва, реки сияли ярким лазурным цветом, леса были прорисованы мельчайшими деталями, а в верхнем левом углу, в красивом медальоне, сиял епископ Кельнский, воздевающий руки к небу.

Но главное было не в красоте. Главное было в деталях.

Фуст подошел к столу. Он наклонился, прищурил один глаз. Его взгляд скользил по карте.

— Это..., — начал бормотать он.

— Это навигационный инструмент с интегрированной коммерческой экосистемой, господин Фуст, — шагнула вперед я, выступая в роли презентатора. Я старалась говорить уверенно, игнорируя боль в груди ребрах. — Смотрите сюда. Вот основной маршрут паломника из Майнца в Трир.

Я указала пальцем на дорогу. Вдоль нее были нарисованы маленькие иконки.

— Вот здесь, в Кобленце, таверна «Золотой Лев». Мы сделали ее иконку на двадцать процентов больше и жирнее. Почему? Потому что хозяин таверны заплатил нам пятьдесят флоринов за «премиальное размещение». Паломник, глядя на карту, инстинктивно выберет именно ее, потому что она визуально выделяется.

Фуст медленно поднял на меня глаза — и заметно оживился.

— Продолжай.

— А вот здесь, — я переместила палец, — кузница в Аахене. Рядом с ней нарисован знак «благословенная подкова». Кузнец заплатил нам за эксклюзивность. Если паломник увидит этот знак, он поверит, что его лошадь будет подкована божьим благословением. И заплатит кузнецу на тридцать процентов больше. Кузнец, в свою очередь, отдает нам процент с каждой такой сделки.

Фуст выпрямился. Он посмотрел на карту, потом на меня, потом на Гутенберга.

— Вы... вы берете деньги с паломников за печать карты... и одновременно берете деньги с торговцев за то, что включаете их в карту?

— Двойная монетизация, господин Фуст, — улыбнулась я, используя свой самый корпоративный, убийственно-вежливый тон. — Мы создали платформу. Карта — это продукт. Реклама — это маржа. Себестоимость оттиска — два пфеннига. Мы продаем его за двадцать. А с рекламодателей собрали авансом еще пятьсот флоринов до того, как напечатали хоть один экземпляр.

Фуст молчал. Тишина в цеху стояла глухая — ни шороха, ни скрипа. Ганс и Клаус замерли у станка и беззвучно молились.

Внезапно Фуст рассмеялся своим смехом, будто где-то подавилась мелкая собачка.

— Двойная монетизация, — повторил он, качая головой. — Иоганн, я думал, ты безумный изобретатель. Но я знать не знал, что ты нанял самого хитрого дьявола из Венеции в качестве подмастерья.

Он повернулся к помощникам.

— Откройте сундуки.

Крышки откинулись. Внутри, тускло поблескивая в свете свечей, лежали золотые и серебряные монеты.

— Здесь три тысячи флоринов, — сказал Фуст. — На расширение парка станков. И еще пятьсот — лично тебе, мальчишка, за то, что ты умеешь считать чужие деньги лучше, чем все черти в аду.

Гутенберг тихо всхлипнул и упал на колени, хватаясь за край стола.

— Но, Иоганн, — Фуст поднял палец, и смех мгновенно исчез с его лица. — Это только прототип. Тираж в десять тысяч экземпляров должен быть готов к первому дню ярмарки. Если вы опоздаете хотя бы на час, я заберу мастерскую. И голову твоего «мальчишки» в придачу.

Он развернулся и вышел, а его плащ развевался за ним как крылья ворона.

В цеху начался хаос. Ганс заорал что-то нечленораздельное и подхватил Клауса на руки. Петер начал бегать кругами, размахивая метлой. Гутенберг сидел на полу и плакал в свои грязные от чернил ладони.

А я стояла, прижимая руку к больной груди, и чувствовала, как из меня уходят все силы. Мы сделали это. Мы справились.

— Грета, — тихий голос раздался у моего плеча.

Я обернулась. Джулиан стоял рядом. Его лицо было непроницаемым, но глаза... глаза горели таким огнем, что мне стало жарко.

— Идем, — сказал он, беря меня за локоть. — Тебе нужен отдых. И нам нужно поговорить.

Он вывел меня из шумного, ликующего цеха, через двор, в свою тихую мастерскую. Закрыл дверь на тяжелый железный засов и повернулся ко мне.

— Фуст ушел. Мы получили деньги. — Он закрыл дверь на тяжелый железный засов и повернулся ко мне. Его глаза горели таким огнем, что мне стало жарко.

— Грета, — тихо сказал он.

Я замерла. Он сделал шаг ко мне. Потом еще один. Я прижалась спиной к двери, чувствуя, как колотится мое сердце.

— Джулиан...

— Сними камзол, — его голос был хриплым, низким. — Сейчас.

Его руки легли мне на плечи, и его пальцы начали расшнуровывать грубую ткань. Я подняла руки, помогая ему, и камзол соскользнул с моих плеч.

Его пальцы нашли узлы бинтов и начали медленно их разматывать. Каждый виток освобождал мою грудь, и я впервые за неделю могла вдохнуть полной грудью.

— Боже, — прошептал он, глядя на красные следы от бинтов на моей коже. — Что ты с собой сделала?

— Заплатила за то, чтобы быть здесь, — усмехнулась я, но тут же поморщилась от боли.

Он достал баночку с мазью и начал аккуратно наносить ее на воспаленную кожу. Его пальцы были прохладными, движения — невероятно нежными.

— Так не больно? — тихо спросил он, не поднимая глаз.

— Нет, — выдохнула я. — Хорошо.

Он закончил и медленно поднял глаза. В них было столько желания, что у меня перехватило дыхание.

— Я ждал этого так долго, — прошептал он. — Каждую ночь. Каждый раз, когда ты смотрела на меня.

Он накрыл мои губы своими. Это был поцелуй человека, который слишком долго держал себя в узде и который наконец-то обрел свободу. В нем была страсть, облегчение, радость и обещание.

Я ответила ему, забыв про боль в груди, про Фуста, про Гутенберга, про Инквизицию. Я целовала его, чувствуя, как его сильные руки обнимают мою талию, прижимая меня к его твердой груди.

Его руки скользнули по моему телу, касаясь каждой линии, каждого изгиба, который был скрыт под грубой тканью так долго. Я подалась ему навстречу, забыв про страх, про все, кроме него.

Мы упали на узкую кушетку в углу мастерской, и я почувствовала, как его тело прижимается к моему, горячее, твердое, живое. Мои пальцы нашли край его рубахи и медленно потянули вверх. Он поднял руки, помогая мне. Теперь мы оба были без одежды, и я почувствовала, как прохладный воздух коснулся моей кожи, а затем, как его горячие ладони легли мне на спину.

— Грета, — прошептал он в мою шею, и его губы оставили след поцелуев на моей коже, спускаясь ниже, к ключице, к груди. — Ты невероятная.

Я зажмурилась, чувствуя, как его руки исследуют каждый частичку моего тела, как его дыхание станови

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.